

ЮРИЙ МУХИН

ВОЙНА И МЫ

ГЛАВНАЯ КНИГА ОБ

СССР

ОДНИМ ТОМОМ

Юрий Игнатьевич Мухин

Война и мы

Серия «Главная книга об СССР»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24927152
Юрий Мухин. Война и мы: Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906947-62-8

Аннотация

В своей книге Ю.И. Мухин продолжает традицию, начатую еще Л.Н. Толстым, когда военные действия показываются через восприятие их народом. «Окопная правда» войны позволяет по-новому оценить многие события и факты, казалось бы, незыблемый характер в соответствующей литературе. Причины поражения советских войск на начальном этапе военных действий и истоки Победы над фашизмом, степень подготовленности советского командного состава, боевой дух армии и многое, многое другое предстает в ином свете через призму народного восприятия. Кроме того, в книге Ю.И. Мухина есть, как всегда, четко выраженная авторская позиция и собственный подход к решению исторических проблем.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Советские	9
Этот «цивилизованный» мир	9
Советские люди	17
Советский Союз	23
Корни	41
Война	57
Первые бои	59
О наградах	70
Как на войне	80
Трудяга	84
Благородство	92
Держать удары	99
Жена	103
Воспитание	114
Часть 2. Отцы-командиры	145
О А.З. Лебединцеве	145
Офицеры	151
Боевое крещение	158
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Юрий Мухин

Война и мы

© Мухин Ю., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Историю надо изучать, чтобы лучше жить сегодня. По-моему, Бисмарк очень неглупо заметил: «Только дураки учатся на своем опыте. Умные учатся на чужом». История – это и есть чужой опыт, на котором следует учиться умному человеку.

Следует добавить, что в изучении истории есть большая трудность – ложь. Лгут многие. Профессиональные историки, то есть те, кому правительство платит деньги, лгут за деньги, и мы с такими историками в книге столкнемся. Люди недалекие лгут в силу того, что не способны понять исторические события. Мемуаристы лгут, чтобы оправдать или приукрасить себя. Использовать эту ложь на пользу сегодняшнего дня просто глупо, вы же понимаете, что по неправильному маршруту к месту назначения не доберешься. Что же делать, как из-под этой лжи выудить правду?

Прием, по сути, один – сопоставление и логика. То есть рассмотреть как можно больше фактов, а затем, руководствуясь логикой, найти наименее противоречивый вариант, который, скорее всего, и будет истиной. Напомню, что логика, это такой способ мышления, который позволяет при правильных исходных данных предсказать правильный результат. Абстрактный пример.

Исходные данные. Трое бойцов, даже средней силы, все-

гда побьют одного сильного, если будут действовать вместе, одновременно и по одному плану. Сильный, если сможет встретиться со всеми троими по отдельности, когда они не действуют по одному плану, побьет всех троих по очереди. Действие по одному плану обеспечивается единым командованием. Это точные исходные данные? Да, точные.

Теперь пример использования логики. Если численно большую армию в момент боя трусливо бросит командующий и вся армия перестанет действовать совместно по одному плану, то победит она сильного противника или потерпит поражение? Думаю, что мы предскажем правильный результат, если будем утверждать, что такая армия потерпит поражение, поскольку это наиболее вероятно в случае пусть и меньшей численности, но сильного врага. Такое предсказание и будет тем, что называют логичным. Обратное утверждение не подтвердится опытом, даже бытовым, а по сему – не логично. А использовать нелогичные утверждения можно только для того, чтобы кого-то обмануть, пусть даже и самого себя.

Но, в сущности, в войне побеждают не армии, а государства. Армии лишь уничтожают войска противоборствующей стороны.

Государство, способное победить любого противника, является лучшим гарантом мирной жизни своих граждан.

Объектом нападения всегда является слабый или тот, кого считают слабым. Работает старый римский принцип: хо-

чешь мира – готовься к войне. Готовое к войне государство охладит любую горячую голову.

Готовое к войне государство – это готовое к победе в войне государство. Это государство, в котором максимально устранены все причины, ведущие к поражению, а обстоятельства, являющиеся причинами победы, усилены до нужной величины.

Надо ли доказывать, что всю эту работу необходимо делать в мирное время? Именно для того, чтобы это мирное время сохранить.

Мы начинаем работу, в которой будем последовательно разбирать все причины, приведшие к Победе в Великой Отечественной войне, и все причины, приведшие к поражениям на начальном ее этапе.

Читатель воскликнет – да сколько же можно? Уже все причины давно исследовали и описали – от того, как Сталин прятался под кроватью при известии о начале войны, до того, что перед войной НКВД уничтожило 50 тысяч самых лучших офицеров и 60 млн. советских граждан в придачу. И кто только этим ни занимался – от подлого (выдающегося?) предателя Резуна (Суворова) до не менее подлого (выдающегося?) генерал-полковника Волкогонова.

Хорошо! Все уже описано. Но значит ли это, что мы хотя бы чему-то научились?..

Именно поэтому мы начнем изучение причин побед и поражений в войне. Не для вящей славы нашей Родины (про-

славят ее и без нас) и не для унижения ее (и таких мерзавцев сейчас хоть пруд пруди), а для того, чтобы у истории чему-нибудь научиться, приобрести что-либо полезное для сегодняшнего дня.

Часть 1. Советские

Этот «цивилизованный» мир

Вторая мировая война унесла жизни 50 млн. человек, и более половины этого числа составили погибшие граждане СССР. На плечи наших отцов и дедов легли тяготы, несоизмеримые с тяготами граждан других воюющих стран. Это надо помнить, а то в «цивилизованной» Америке почти все население уверено, что во Второй мировой войне главным действующим лицом были США (а некоторые уверены и в том, что тогда США воевали с Японией и СССР). У нас же, к сожалению, сегодня растет количество граждан, принимающих за истину все, что идет из Америки. На самом деле столь огромные наши потери определены тем, что почти всю войну СССР воевал в одиночку, а США и Великобритания (тогдашние наши союзники) как могли от войны прятались.

Сегодня в России полно «историков», которые с самым честным видом сообщают, что в ходе войны на Восточном фронте СССР потерял 12 млн. солдат, а Германия всего 3 млн. А поскольку перед войной численность нашего населения была не менее 193 млн. человек, а численность Германии и присоединенной к ней Австрии – около 80 млн., автоматически делается вывод о том, насколько несовершен-

ной была Советская власть и насколько трусливы и неумелы наши предки. Я пишу свои книги не для того, чтобы хвалить Красную Армию и Советскую власть. Наоборот, думаю, что будет масса недовольных мною читателей. Но я не вижу необходимости бессловесно воспринимать весь тот пропагандистский понос, которым поливают наших отцов и дедов СМИ «западных демократий» и их российские прихлебатели.

Древнеримский сенатор Катон Старший вошел в историю тем, что любое свое публичное выступление на любую тему обязательно заканчивал словами: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam», что дословно означает: «В остальном я полагаю, что Карфаген нужно разрушить». (Карфаген – враждебный Риму город-государство.) Я не готов полностью уподобиться сенатору Катону, но буду использовать любой повод, чтобы лишний раз упомянуть: в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СССР воевал не с 80 млн. тогдашних немцев – он воевал практически со всей Европой, численность которой (за исключением союзной нам Англии и не сдающейся немцам партизанской Сербии) была около 400 млн. человек.

В ходе Великой Отечественной войны шинели в СССР надели 34 млн. 476,7 тыс. человек, то есть 17,8 % населения. А Германия мобилизовала в свои вооруженные силы аж 21 % от численности населения. Казалось бы, немцы в своих военных усилиях напряглись больше, нежели СССР.

Но в Красной Армии в большом количестве служили женщины, как добровольно, так и по призыву. Была масса чисто женских частей и подразделений (зенитные, авиационные и т. д.). В период отчаянного положения Государственный комитет обороны принял решение (оставшееся, правда, на бумаге) создать женские стрелковые соединения, в которых мужчинами были бы только заряжающие тяжелых артиллерийских орудий. А у немцев, даже в момент их агонии, женщины не только не служили в армии, но их было очень мало и на производстве. Почему так? Потому что в СССР один мужчина приходился на трех женщин, а в Германии – наоборот? Нет, дело не в этом.

Для того чтобы сражаться, нужны не только солдаты, но и оружие с продовольствием. А для их производства тоже нужны мужчины, которых женщинами или подростками заменить нельзя. Поэтому и вынужден был СССР посылать на фронт женщин вместо мужчин. У немцев такой проблемы не было: их обеспечивала оружием и продовольствием вся Европа. Французы не только передали немцам все свои танки, но и произвели огромное количество боевой техники – от автомобилей до оптических дальномеров. Чехи построили весь парк немецких бронетранспортеров, большое количество танков, самолетов, стрелкового оружия, артиллерии и боеприпасов. Поляки строили самолеты, польские евреи производили синтетический бензин и каучук, шведы добывали руду и поставляли немцам комплектующие для боевой

техники (к примеру, подшипники), норвежцы снабжали гитлеровцев морепродуктами, датчане – маслом... Короче, вся Европа старалась как могла.

И старалась она не только на трудовом фронте. Лишь элитные войска фашистской Германии – войска СС – приняли в свои ряды 400 тысяч «белокурых бестий» из других стран, а всего в гитлеровскую армию вступили со всей Европы 1800 тыс. добровольцев, сформировав 59 дивизий, 23 бригады и несколько национальных полков и легионов. Самые элитные из этих дивизий имели не номера, а собственные имена, указывающие на национальное происхождение: «Валония», «Галичина», «Богемия и Моравия», «Викинг», «Денемарк», «Гембез», «Лангемарк», «Нордланд», «Нидерланды», «Шарлемань» и другие.

Европейцы служили добровольцами не только в национальных, но и в немецких дивизиях. Так, скажем, элитная немецкая дивизия «Великая Германия». Казалось бы, хотя бы из-за названия она должна была комплектоваться только немцами. Тем не менее, служивший в ней француз Ги Сайер вспоминает, что накануне Курской битвы в его пехотном отделе из 11 человек немцев было 9, – кроме самого Сайера здесь служил еще и чех.

И все это помимо официальных союзников Германии, чьи армии плечом к плечу жгли и грабили Советский Союз, – итальянцев, румын, венгров, финнов, хорватов, словаков, помимо болгар, которые в это время жгли и грабили пар-

тизанскую Сербию. Даже официально нейтральные испанцы прислали под Ленинград свою «Голубую дивизию»!

Чтобы оценить по национальному составу всю ту европейскую сволочь, которая в надежде на легкую добычу, полезла к нам убивать советских людей, я приведу таблицу, где приводятся данные об иностранных добровольцах, которые во время догадались сдаться нам в плен.

Эту таблицу, впервые опубликованную в конце 1990 г., следует повторять еще, и вот по каким причинам. После воцарения на территории СССР «демократии», таблица непрерывно «совершенствуется» в плане «укрупнения строк». В результате в «серьезных» книгах на тему войны, скажем, в статистическом сборнике «Россия и СССР в войнах XX века» или в справочнике «Мир русской истории», данные этой таблицы искажены. Часть национальностей из нее исчезла. В первую очередь исчезли евреи, которых, как вы видите из подлинной таблицы, служило Гитлеру столько же, сколько и финнов с голландцами, вместе взятых. А я, к примеру, не вижу, почему мы из этой гитлеровской песни должны выбрасывать еврейские куплеты. Между прочим, поляки сегодня пытаются оттолкнуть евреев с должности «главных страдальцев Второй мировой войны», а их в списках пленных больше, чем официально и реально воевавших с нами итальянцев.

Национальный состав военнопленных в СССР, взятых плен в период с 22.06.1941 г. по 2.09.1945 г.

Национальность военнопленных	Общее количество, чел.
Немцы	2 389 560
Японцы	639 635
Венгры	513 767
Румыны	187 370
Австрийцы	156 682
Чехословаки	69 977
Поляки	60 280
Итальянцы	48 957
Французы	23 136
Югославы	21 822
Молдаване	14 129
Китайцы	12 928
Евреи	10 173
Корейцы	7785
Голландцы	4729
Монголы	3608
Финны	2377
Бельгийцы	2010
Люксембуржцы	1652
Датчане	457
Исландцы	452
Цыгане	383
Норвежцы	101
Шведы	72

Да ведь и представленная мною таблица не отражает истинного количественного и национального состава пленных. Прежде всего, в ней не представлены наши отечественные подонки, которые, либо в силу благоприобретенного идиотизма, либо из-за малодушия и трусости служили немцам, — от бандеровцев до власовцев. Кстати, наказывали их до обидного легко.

Хорошо, если власовец попадал пленным в руки фронтовиков. Тогда он чаще всего и получал то, что заслужил. Но

ведь предатели исхитрились сдаваться тыловым подразделениям, переодевались в гражданское, при сдаче в плен прикидывались немцами и т. д. В этом случае советский суд их буквально по головке гладил. В свое время отечественные антисоветчики издавали за рубежом сборники своих воспоминаний. Один из них описывает судебные «страдания» власовца, который защищал Берлин: переделся, пленившим его советским солдатам отрекомендовался французом и таким образом добрался до военного трибунала. А дальше читать его хвастовство оскорбительно: «Дали мне пять лет дальних лагерей – и то повезло. Наспех таки – посчитали за рабоче-крестьянскую мелкоту. Солдатам, захваченным с оружием, и офицерам – лепили десятку». При конвоировании в лагерь он сбежал на Запад. 5 лет за убийство советских людей и измену Родине! Это что же за наказание такое?! Ну хотя бы 20, чтобы у вдов и сирот душевные раны зарубцевались и было не так обидно смотреть на эти подлые хари...

По той же причине не числятся в списках военнопленных крымские татары, штурмовавшие для Манштейна Севастополь, калмыки и т. п. Не числятся эстонцы, латыши и литовцы, имевшие в составе гитлеровских войск свои национальные дивизии, но считавшиеся советскими гражданами и отсидевшие в связи с этим свои мизерные сроки в лагерях ГУЛАГа, а не в лагерях ГУПВИ. (ГУЛАГ – главное управление лагерей – занималось содержанием преступников, а ГУПВИ – главное управление по делам военнопленных и интерни-

рованных – пленными). Между тем, даже в ГУПВИ попадали не все пленные, поскольку это управление подсчитывало только тех, кто попадал к нему в тыловые лагеря из фронтовых пересылочных пунктов. Но с 1943 г. в СССР начали формироваться национальные дивизии поляков, чехов, румын для борьбы с немцами. И пленных этих национальностей направляли не в ГУПВИ, а сразу в пункты комплектования таких соединений – воевали вместе с немцами, пусть повоюют и против них! Таких, между прочим, было 600 тысяч. Даже де Голлю в его армию было послано 1500 французов.

Советские люди

Итак, в 1941 году на наших отцов и дедов поперла вся Европа, и ни черта у нее не получилось! Возникает вопрос – почему? В Первую мировую войну в союзе с царской Россией были не только Великобритания и США, но и Франция, Италия, Румыния и даже Япония, а Финляндия входила в состав Российской империи. А воевать нужно было только против немцев, австрийцев, венгров и чехов. Тем не менее, через 2,5 года Россия оказалась уже неспособной бороться, а еще через полгода сдалась. А СССР четыре года воевал со всей Европой и победил!

Британский историк и ведущий эксперт британской военной разведки Лен Дейтон в своей книге «Вторая мировая. Ошибки, промахи, потери» пишет: «Разумеется, именно ошеломляющие победы германских армий в 1940 году убедили Гитлера в том, что ему по силам разгромить Советский Союз. На Западе его танковые дивизии пронзали оборону союзников, сея панику в тылах. Французская, английская, голландская и бельгийская армии капитулировали одна за другой. Гитлер считал империю Сталина еще более ветхой, чем страны западной демократии, а Красную Армию – еще более небоеспособной. По мнению Гитлера, для того чтобы предпринять на Востоке то же самое, что было на Западе, нужна была лишь несколько более мощная армия. И

после первых же ударов СССР рассыплется».

Прерву Дейтона на пояснения того, почему Гитлер считал Россию ветхой. Дело в том, что мы почти всегда допускаем ошибку – мы на события тех дней смотрим сегодняшними глазами. Сегодня мы уже знаем, чем был сталинский СССР, мы знаем, что он почти один на один выдержал натиск всей Европы и победил. Но кто это знал тогда – в 1941 году?

Давайте мысленно перенесемся в то время и посмотрим на Россию глазами тех людей. К началу Второй мировой Россия более 100 лет неспособна была выиграть ни одной войны. Десант англичан и французов под Севастополь в 1854 году принудил Россию сдаться. Балканская война, формально выигранная, была проведена столь слабо и бездарно, что ее старались не рассматривать даже при обучении русских офицеров. Проиграна была война Японии, маленькой стране, причем японцы потеряли в боях больше, чем русские, но сдались русские. В 1914 году русская армия почти вдвое превосходила армию австро-немецкую и ничего не способна была сделать. В 1920 году только оперившаяся Польша отхватывает у СССР огромный кусок территории. Да что Польша! В 1918 году белофинны со зверской беспощадностью громят советскую власть в Финляндии. И если в ходе боев с обеих сторон числится всего 4,5 тысячи убитых, то после боев белофинны расстреливают 8000 пленных и 12 000 умирают с голода в их концлагерях. Были безжалостно убиты на территории Финляндии все русские большевики. А Советская

Россия в помощь им даже пальцем не способна была пошевелить. И гитлеровское определение СССР как «колосса на глиняных ногах» не из вакуума взялось. Да и не только Гитлер так думал.

Лен Дейтон продолжает: «Подобная уверенность имела под собой достаточные основания. Как только стало известно о начале операции «Барбаросса», практически все до одного военные специалисты предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельдмаршал сэр Джон Дилл, начальник Имперского генерального штаба, дал Красной Армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.

Прорицатели могли смело запечатывать конверты со своими предсказаниями скорой победы вермахта: Польша была завоевана за 27 дней, Дания – за 24 часа, Норвегия – за 23 дня, Голландия – за 5, Бельгия – за 18, Франция – за 39, Югославия – за 12, Греция – за 21 день и Крит за 11. С другой стороны, Красной Армии потребовалось больше трех месяцев, чтобы разгромить финнов. Разве этих цифр было недостаточно для того, чтобы подсчитать, что Гитлер будет в Москве задолго до Рождества?»

Но наши старики победили!

Конечно, наши союзники тоже воевали, особенно велики их успехи на море и в деле авиационных бомбардировок мирного населения Германии. Но Германия сдалась не потому, что у нее не стало кораблей, которых, собственно, у нее много и не было, она сдалась потому, что у нее некому было воевать на сухопутных фронтах. А даже по британским данным **семь из восьми** немецких дивизий во Второй мировой войне уничтожила Красная Армия.

И вопрос о том, почему Советский Союз победил в десяти раз более тяжелой войне, нежели та, которая всего за 25 лет до этого досталась императорской России, остается. Другого ответа нет: в России в это время жили совершенно другие люди. Не только не такие, как мы, – словами Т.Г. Шевченко, «славных прадедов великих, правнуки поганые», – но даже не такие, как русские царской России.

Вот и проблема сегодняшнего дня: в те годы страну спасло то, что советский народ имел мужественное начало, а сейчас – ни то, ни се – какое-то «эмансипэ». Вообще, мужчина, отказывающийся служить, – это не мужчина. Однако, увы, для понимания этого нужно определенное воспитание. В те годы оно было, сейчас его нет.

Комплектование наемной армии убивает дух народа, его способность к сопротивлению, превращает народ из единого сообщества в стадо «свободных индивидуумов». Не армия главное, главное – дух мужчин этого народа!

Наемная армия – это удел народа-раба. Раба по духу своих мужчин, по их образу мыслей. А призывная армия – естественное состояние народа-господина.

Свободный человек тот, кого воспитали господином – тем, над кем нет хозяина, для кого он сам хозяин. Для него его правительство – это вождь, не более того. Господин исполняет команды вождя только потому, что этот слуга организует каждого господина в отдельности на совместные действия. И господин понимает, что его защита заключена в силе общества, а чтобы общество не распалось, и он не лишился коллективной защиты, все тяготы по службе обществу должны ложиться на всех в равной мере. Господин служит только обществу, а не правительству или вождю, общество – это как бог, а вождь – не более чем слуга.

А если человека воспитали рабом, холуем, то правительство и вообще любой начальник для раба хозяин. А с хозяином нужно вести себя по-рабски, то есть служить ему поменьше, а урывать побольше, торговаться, выбивать у хозяина блага и т. д. Нет ничего удивительного в том, что в менталитете раба заложено избежать любых тягот, переложить их на других рабов. Для раба свобода – это свобода выбора хозяина. Как точно высказался Ежи Ленц: «Мечта раба – рынок, на котором можно купить себе хозяина».

Проблема сегодняшней России в том, что у России интеллигенция никогда не зарабатывала деньги самостоятельно, а только холуяствуя перед хозяином – царем, ЦК КПСС,

олигархом, на худой конец, каким-нибудь американским фондом. Естественно, что российская интеллигенция – это потомственные холуи, и им воспринять образ мысли господина очень трудно.

Я помню начало 50-х и даже тогда, правда, не в среде интеллигенции, которую я не знал, а в среде народа, не служить в армии было позором – у таких и девчонки на танцах побрезгуют принять приглашение. У тех, советских, людей был другой образ мыслей, и этот образ мыслей определил их высочайшие морально-волевые и интеллектуальные качества, а это и было причиной победы советского народа в невиданной по своей тяжести войне.

Таким образом, главная причина победы – это образ мыслей тогдашних советских людей.

Советский Союз

Итак, был уникальный народ, а что же представлял собой Советский Союз в целом?

Посмотрите телевизор, и вам сообщат, что это была «тюрьма народов», в которой злобный тиран Сталин с помощью НКВД держал всех в страхе и не давал осуществить мечту каждого советского человека – удрать за границу в страны «цивилизованного» Запада. Наоборот, перед войной СССР напал на Польшу и включил в свой состав западных украинцев и белорусов, затем насильно присоединил к себе Литву, Латвию и Эстонию. Короче, был мрак, ужас и мерзость запустения. Но боюсь, вам забудут сообщить, что входящие в Польшу советские войска встречались восторженной радостью населения, которое практически сразу же заявило о своем желании стать гражданами СССР.

Правда, если говорить о Польше, то поляки всегда отличались исключительным расизмом. И, конечно, то, что советские войска освобождали украинцев и белорусов от польского расизма, было основанием радости для этих народов. Но это еще не было основанием для их единодушного решения войти в состав СССР. Ведь среди украинского и белорусского населения тоже были сильны националистические организации, имевшие целью суверенитет и от Польши, и от СССР, а сионистские организации польская армия, на свою

голову, даже обучала военному делу. Националистов вхождение в Советский Союз не радовало. Ведь СССР этим националистам не подыгрывал ни в малейшей мере и беспощадно боролся с ними. Почему же, когда СССР организовал голосование по решению вопросов: «1. Утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам; 2. Решить вопрос о характере власти, т. е. должна ли быть эта власть советская, или буржуазная; 3. Решить вопрос о вхождении в состав СССР, т. е. о вхождении украинских областей в состав УССР, о вхождении белорусских областей в состав БССР; 4. Решить вопрос о национализации банков и крупной промышленности», – то на выборы депутатов, которые должны были ответить на эти вопросы, из 7 538 586 избирателей пришло 94,8 %, из которых «за» проголосовало 90,8 %, а «против» – 9,2 %?

Вам на это ответят: потому, что работники НКВД всем тыкали маузером в зубы и под угрозой смерти заставляли голосовать именно так. Умственно недоразвитых такой ответ вполне устраивает, а у остальных возникают вопросы.

Для того чтобы силой заставить население определенным образом проголосовать, нужно репрессиями запугать народ, что при тайном голосовании вообще нереально, или нужно во все избиркомы (а их была масса – избирался один депутат на 5000 населения, т. е. около 1500 депутатов) подобрать своих людей для подтасовки выборов, а всех кандидатов соответственно обработать. А вот для этого требуется

время даже НКВД, поскольку его работникам нужно сначала создать агентурную сеть, выявить противников, арестовать их, выявить покладистых, рекомендовать их в избирательные комиссии, заставить собрания за них проголосовать, подобрать нужных депутатов, обеспечить их выдвижение и т. д. и т. п. Такое теоретически возможно, но для этого, повторяю, нужно очень много времени. К примеру, в СССР проститутки были не в почете и их высылали в отдаленные области СССР, избавляясь от специалисток ненужной профессии. И проститутки из западных областей УССР и БССР тоже были выселены, но только через 7 месяцев после присоединения. Оцените, сколько времени потребовалось НКВД, чтобы выявить проституток и составить список этих лиц, действовавших легально.

А с присоединением западных областей дело происходило в таком темпе: 17 сентября 1939 г. Красная Армия с небольшими боями стала входить в эти области, беря в плен польскую армию, полицию и жандармов, 1 октября СССР перед народом этих областей поставил перечисленные выше вопросы, а 22 октября того же 1939 г. избиратели проголосовали. Ну как за три недели в стране, в которой по лесам еще слонялись неразоруженные войска Польши, НКВД мог успеть организовать и провести работу по запугиванию населения?

Теперь о реальных репрессиях по запугиванию избирателей. За три с половиной месяца (сентябрь – декабрь 1939 г.)

НКВД арестовал 19 832 человека, из которых 72,1 % были арестованы за уголовные преступления и за нелегальный переход границы. Положим, что все они были арестованы до 22 октября с целью запугать население перед выборами. Много это или мало? Из расчета 7,5 млн. избирателей это один арестованный на 375 человек. В нынешней России в тюрьмах сидит более миллиона заключенных при примерно 100 млн. избирателей, а это один репрессированный на 100 человек. И никто не боится, и все считают нынешнюю Россию самой демократической страной за всю ее историю.

В 1939 г. население западных областей УССР и БССР совершенно добровольно проголосовало за советскую власть и включение в СССР. И тут не может быть никакой политики, поскольку основная масса населения – это аполитичный обыватель, которому все равно, какая власть и как называется государство, лишь бы были еда и барахло. Он-то почему голосовал за СССР?

Социалистический СССР был государством, построенным на идеях справедливости, поэтому окружавшие его капиталистические государства в идейной борьбе не могли ему ничего противопоставить. Оставалось лишь одно – утверждать, что это очень нищая страна, которую грабят комиссары и евреи. Справедливости ради следует сказать, что первые лет 15 после революции были основания обвинять СССР в нищете.

Какая страна является богатой материально? Если страну

не грабят, – то та, в которой производится много товаров. А что нужно, чтобы промышленность данной страны производила много товаров? Нужен рынок, нужны люди с деньгами, которые бы могли купить товары данной страны. Ведь если товар не покупается, то его и не производят. Так вот, до начала 30-х годов прошлого века большевики в СССР искусственно ограничивали внутренний рынок СССР с тем, чтобы создать тяжелую промышленность – основу промышленности для производства товаров народного потребления. Поскольку сама тяжелая промышленность товаров для народа не дает, приходилось их потребление искусственно ограничивать. Делалось это так.

В 1917 г. население России на 85 % состояло из крестьян, причем собственно в России – даже больше. То есть главными покупателями страны, главным рынком товаров промышленности в России были они. Но им, чтобы купить, нужно было продать свою продукцию – хлеб, мясо, молоко, пеньку, лен и т. д. Придя к власти, большевики до начала 30-х годов удерживали цены на хлеб и остальные товары сельского хозяйства на уровне мировых цен, на уровне цен, которые были в России при царе. А так как Россия – страна с суровым климатом, то мировые цены – это цены, которые не дают крестьянину практически никакого дохода. Именно по этим низким ценам большевики скупали хлеб у крестьян и изымали его налогами, продавая за рубеж. На выручку закупали электростанции и металлургические заводы, заводы тяже-

лого машиностроения и тракторные. Их продукцию продать населению было нельзя, поэтому рынок СССР и держался в сжатом по деньгам состоянии – большевики не давали народу деньги для покупки товаров.

Но к началу 30-х годов тяжелая промышленность СССР стала производить станки, оборудование и сырье для производства товаров народного потребления, и эти товары стали поступать на рынок СССР. И большевики резко развили свой рынок, т. е. в течение нескольких лет предоставили народу огромные деньги для покупки товаров промышленности СССР.

Сделано это было так. Началась коллективизация сельского хозяйства, и хотя она происходила с эксцессами, за счет коллективной обработки земли и за счет механизации этой обработки себестоимость продукции сельского хозяйства резко упала. Казалось бы, в этом случае большевики могли снизить цены на нее еще больше. Но они сделали прямо противоположное – с 1929 по 1934 г. они внутренние цены на сельхозпродукцию подняли в 10–13 раз по сравнению с мировыми. Соответственно поднялась и зарплата рабочих в промышленности, и цены на промышленные товары. Но не сильно, поскольку затраты на еду не составляют 100 % зарплаты промышленного рабочего. Если при царе хлеб стоил 8—10 коп. за килограмм, то к концу 30-х он стал стоить 90 копеек, но шерстяной мужской костюм, стоивший при царе 40 рублей, стал стоить всего 75. И хотя в это время кре-

стьяне организованно уходили на работу в города (к 1940 г. сельского населения оставалось 58 %), они все же составляли большинство населения, и у этого населения появились большие деньги. Товары промышленности СССР буквально расхватывались, а сама она наращивала производство никогда ранее в мире не виданными темпами.

В царской России перед Первой мировой войной проживало 9 % населения мира, а производила эта Россия чуть более 4 % мировой промышленной продукции, т. е. в два раза меньше среднемирового уровня, включая сюда малоразвитые страны Азии и Африки. А уже в 1937 г. СССР производил 13,7 % мировой промышленной продукции, хотя его население составляло всего 8 % от общемирового. По производству промышленной продукции СССР поднялся с четвертого на первое место в Европе и с пятого на второе место в мире, уступая лишь США. Если страна производит много товаров, а ее никто не грабит ни процентами по займам, ни путем вывоза дивидендов на инвестированный капитал, то как бы ни распределялись эти товары – прямо ли, либо через бесплатное медицинское обслуживание, бесплатные квартиры, бесплатное обучение, бесплатный отдых, – они все равно доходят до народа, и этот народ становится богаче. Со второй половины 30-х годов народ СССР начал богатеть невиданными темпами, и даже в 60-х годах люди, сравнивая свою жизнь, говорили, что они никогда так хорошо не жили, как до войны.

А как же западные соседи СССР? Ведь нам сегодня твердят, что нищий, ободранный и голодный СССР напал с целью грабежа на богатенькую Польшу и богатейшие Прибалтийские страны.

До революции все эти государства были составными частями Российской империи и за счет развития путей сообщения и выхода ряда этих имперских территорий к морю в них развивалась промышленность на российском сырье и для российского рынка. И с сельским хозяйством не было проблем: климат в этих частях империи был мягче, чем на большинстве остальных территорий, себестоимость молока, хлеба и мяса соответственно была ниже, а близость Петербургского района позволяла сбывать продукцию по хорошим ценам. Но вот эти страны стали суверенными (что не беда, ведь большевики сами отпустили их из империи). Беда в том, что они немедленно стали враждебны СССР, предоставляя свои территории для интервенции против него, а Польша и прямо вела войну. Эта политика «суверенов» в Прибалтике привела к тому, что СССР потерянные там производства отстроил на своей территории и поставляемое в Прибалтику сырье стал перерабатывать сам, сам же заполняя свой рынок товарами этих производств. И, как и сегодня, промышленность в Прибалтике пришла в упадок. Скажем, в Эстонии количество работающих в промышленности упало с 36 тыс. при царе до 17 тыс. при «демократии». Кроме леса, никакого путевого сырья во всей Прибалтике нет, и у прибалтов

остался один путь – развивать сельское хозяйство. Но ведь и для него нужен рынок, а производство сельхозпродукции во всей остальной Европе дешевле, чем в Прибалтике. Приходилось продавать в Европу масло и свинину по ценам, которые оставляли прибалтийским крестьянам мизер для полунищенского существования. Эстония, к примеру, была в Европе на одном из последних мест по уровню жизни.

Читатель «Дуэли» написал, что при обсуждении этой темы в Интернете на форуме ВИФ-2 корреспондент из Эстонии сообщил: «Как известно, в СССР до войны было много кампаний типа «Все на трактор», «Все на автомобиль», «Ворошиловский стрелок» и т. д. В Эстонии тракторов и самолетов не было, но кампания была. Кампания называлась «Каждому хутору отхожее место». На хуторах жило 90 % населения, из них половина была батраками. До конца 30-х годов в эстонских хуторах не знали, что такое сортир (даже не канализация) и просто ходили за угол или где попало... В результате было много заболеваний. Даже объявили конкурс с премией. Победителей конкурса ставили в пример, президент лично их поздравлял, и в результате количество хуторов с сортирами выросло с 5 % до 35 %. За 1938-40 годы из Эстонии в СССР бежало около 1000 человек. У Департамента погранохраны был приказ стрелять в нарушителей на поражение».

Это естественно: пока в соседнем СССР люди тоже жили крайне бедно, прибалтийские режимы еще могли контроли-

ровать ситуацию, но как только жизнь людей в СССР стала резко улучшаться, никакие фашистские диктатуры помочь не могли.

С распадом Российской империи границы разделили не только один народ, но и миллионы семей. Люди переписывались друг с другом. И когда один брат из-под Минска или Кривого Рога писал другому брату подо Львов, Каунас или Тарту, жалуясь по русскому национальному обычаю, что его загнали в колхоз, что оставили только корову и десяток овец, то все это полбеда. Но когда он начинал писать, что его старший сын командует батальоном в Красной Армии, второй сын заканчивает университет в Москве, дочь учится в мединституте в Харькове, большую жену бесплатно возили на операцию в Киев, а младшие дети бесплатно отдыхали в Крыму, то как должен был себя чувствовать обыватель в Польше или Прибалтике? Обыватель, который со своей земли с трудом мог прокормить семью, а семьи своих детей кормить уже было нечем; обыватель, который считал за счастье устроить сына матросом на иностранное судно в надежде, что когда-нибудь лет через 5 это судно вновь зайдет в Ревель.

Да, в городах этих стран было несколько магазинов, чьи витрины блистали богатством товаров со всего мира, и был какой-то процент населения, который мог в этих магазинах покупать. И этот процент голосовал против присоединения к СССР. Но что эти, действительно враги народа, могли сделать против толпы обывателя, который стремился в СССР и

был абсолютно прав в своем стремлении? Президент Литвы Бразаускас, когда еще был первым секретарем ЦК компартии Литвы, на Съезде советов СССР рассказывал о том, что он видел в Литве в 1940 г. Он говорил, что в его районе крестьяне всех хуторов без колебаний проголосовали за советскую власть и за присоединение к СССР, а в это время в этом районе еще не было не только ни одного советского солдата, но никто еще и не видел ни одного советского человека.

Правда, у Польши не было никаких экономических оснований иметь то жалкое состояние, в котором пребывали прибалты. На территории Польши было достаточно полезных ископаемых: железные и цинковые руды, нефть; по запасам каменного угля она занимала третье место в Европе. Прекрасно развита водная система, обширная сеть железных и автомобильных дорог и, главное, мощная промышленность, доставшаяся Польше в наследство от трех бывших империй. Однако при мощностях добычи каменного угля в 60 млн. т, его добывалось около 36 млн. т, при мощностях по производству чугуна в 1 млн. т, его выплавляли 0,7 млн. т, при мощностях по производству стали в 1,7 млн. т, ее производили 1,5 млн. т, даже такого ликвидного товара, как нефть, производили 0,5 млн. т, хотя в 1913 г. ее качали 1,1 млн. т. До самой войны Польша ни разу не достигла уровня производства 1913 г. и при населении, равном 1,6 % от мирового, производила всего 0,7 % промышленной продукции мира. При этом, при годовом предвоенном бюджете в 2,5 млрд,

злотых Польша имела государственных долгов 4,7 млрд, и по 400 млн. злотых ежегодно вывозилось из страны в качестве процентов по займам и дивидендов.

Чтобы понять, насколько СССР был богаче Польши, давайте сравним их бюджеты в расчете на душу населения. Рубль стоил 0,774 г. золота и уже к 1925 г. котировался на валютных биржах Стамбула, Милана и Стокгольма, в Москве он продавался выше номинала: за 10-рублевую золотую монету давали 9 руб. 60 коп. купюрами. В 1937 г. немцы за доказательства организации заговора генералов во главе с Тухачевским запросили 3 млн. рублей золотом. СССР выплатил банковскими купюрами, и немцы взяли их без сомнения в их золотой стоимости.

Номинал польского злотого был 0,169 г. При населении Польши в 35 млн. человек из ее бюджета на 1938/1939 финансовые годы (2,5 млрд, злотых) в расчете на одного польского гражданина приходилось 12 г золота. В 1938 г. бюджет СССР составлял 124 млрд, руб., при населении в 170 млн. человек, на одного советского человека приходилось 564 г золота – в 47 раз больше, чем в Польше! У СССР даже в 1928 г. бюджет на душу населения был уже в два раза больше, чем у Польши в 1938 г. На 1937 г. в бюджете Литвы на одного человека приходилось 16 г золота, Латвии – 13 г.

Тяга соседей к Советскому Союзу накануне Второй мировой войны была огромна. Что говорить о нищей Польше, посмотрите, как описывают венгерские историки состояние

общества, в общем-то, не бедной по европейским меркам Венгрии. Власти в Венгрии ненавидели СССР не меньше, чем шляхта. Достаточно сказать, что в начале 1939 г. Венгрия официально примкнула к антикоминтерновскому пакту – странам оси. Венгерские коммунисты были посажены в тюрьмы. (Чтобы освободить лидера венгерских коммунистов М. Ракоши, Советский Союз обменял его на хранящиеся в музеях знамена венгерских гонведских полков, которые русские полки взяли трофеями в походе 1848–1849 гг.). Таким образом, пропаганда собственно коммунистических идей в Венгрии была ослаблена до предела. Кроме того, венгры, как старая имперская нация, умели вести себя с входящими в состав государства народами, и межнациональные конфликты в Венгрии были редкостью.

Тем не менее: «В конце 30-х – начале 40-х гг. в Закарпатье существовала Русская национальная партия. Ее лидером был депутат парламента Венгрии С. Фенцик. Он выступал за «утверждение русского языка для закарпатских русин. Фенцик считал, что в будущем русины, или карпаторуссы, должны войти в состав России. Правда, среди историков есть мнение, что позиция лидера Русской национальной партии объяснялась «практическими соображениями». Она позволяла ему получать финансовую поддержку». Тут бы венгерским историкам написать, что это Коминтерн проплачивал Фенцику, но подло врать, как наши антисоветчики, они еще не научились, поэтому стараются выкрутиться по-другому:

«Поддержка шла не от русских из СССР, а от самих венгров, живущих в Закарпатье. Тех, которые считали для себя ориентацию на русских менее опасной, чем «непосредственное украинское соседство».

При чем здесь «украинское соседство» и о какой-то такой Украине речь идет, ведь никакой другой Украины, кроме Советской, не было? Историкам очень неудобно признавать, что вместе с русинами хотели войти в СССР и венгры. Причем, судя по тому, что они давали деньги Фенцику, не обязательно нищие. А когда Польша развалилась, и граница СССР приблизилась к Венгрии, то до весны 1941 г. «уже около 20 тысяч жителей Закарпатья перешли границу и осели в СССР. Те же, кто не решался на такой смелый шаг, но верили, что жить при советском строе лучше, собирались большими группами в отдельных местах Закарпатья и ждали прихода русских солдат. В надежде на то же в Закарпатье перешла и часть населения Северной Трансильвании. Кроме того, в руководимое Шароновым полпредство поступило большое количество заявлений от подданных Венгрии с просьбой принять их в советское гражданство...»

Знаете, я не верю, что эти толпы людей гнали в СССР их коммунистические убеждения. Здесь что-то попроще.

Вот активный член бригады Геббельса В. Парсаданова описывает, как СССР в 1940 г. устраивал у себя пленных поляков рядового и сержантского состава – тех, кто по Женевской конвенции не мог отказываться от предлагаемой рабо-

ты.

«На основе соглашения между Наркомчерметом и НКВД для жителей Западной Украины и Западной Белоруссии предусматривалась возможность перевода интернированный в вольнонаемные рабочие по договору. Но эта тенденция развития не получила, хотя этим людям сулили ссуды на строительство индивидуальных домов, выдачу советского паспорта, проезд семьи. Заключение договора обязывало предоставить человеку жилье, резервов которого у предприятия было мало, у интернированных отсутствовали профессиональные навыки, а главное – желание работать.

Часть интернированных отказалась работать. Тогда их стали «стимулировать» различиями в нормах питания. Оплата труда определялась нормой выработки. Сведения о выполнении норм крайне противоречивые. Более близки к истине сообщения о том, что только 10–15 процентов работавших выполняли и перевыполняли нормы. Это были белорусы и украинцы, «желавшие закрепиться за данным предприятием». Формально заработная плата должна была соответствовать оплате труда советских вольнонаемных рабочих, но ее размер могли определить и органы НКВД. Часть денег можно было пересылать семьям. Из зарплаты вычиталась стоимость содержания, жилья. В итоге она колебалась от 20–30 копеек до 40–50 рублей в день. Так что материальный достаток и резервы для помощи семьям маловероятны».

Однако я, прежде чем присоединиться к этому горест-

ному бабьему всхлипыванию о несчастной доле поляков в СССР и оросить эту страницу скупой мужской слезой, хочу сделать кое-какие расчеты и понять для себя, что означает зарплата 50 рублей в день в том СССР.

В те годы нарком внутренних дел, по своему званию равный маршалу СССР, Л.П. Берия получал 3500 рублей в месяц, генерал, командир дивизии Красной Армии – 2200; командир полка – 1800; командир батальона – 850; учитель от 250 до 750; стипендия студента – 170; библиотекарь – 150; завсклада – 120. Хлеб стоил 90 коп.; мясо – 7 руб.; сахар – 4,50; водка 6 руб.; мужской костюм – 75. Солдаты конвоя (вахтеры), охранявшие пленных, получали 275 руб. в месяц. Средняя зарплата по стране в 1940 г. составляла – 339 руб. в месяц, прожиточный минимум – 5 руб. в день. Итак, хорошо работающий пленный получал 1300 руб. в месяц (50 руб. X 26 дней) – больше командира батальона, взявшего его в плен, вчетверо выше средней зарплаты по стране, в десять раз выше прожиточного минимума, в пять раз больше, чем его конвоир. И еще ему давали беспроцентную ссуду, чтобы он построил себе дом. А на Западе вопили, что СССР – тюрьма, один сплошной ГУЛАГ. Это для подлых и тупых бездельников СССР был тюрьмой, а для трудящихся сталинский Советский Союз был родным. Вот труженики в него и ломались.

Адъютант Пилсудского капитан М. Лепецкий в своих воспоминаниях описывает такой эпизод: «Министр Иден при-

был в сопровождении посла Х. Кеннарда и еще двух человек. Министр Бек приехал перед ним. Следовало признать, что оба государственных деятеля своим внешним видом делали честь народам, которые представляли. Однако мы с удовлетворением отмечали, что не обменяли бы Бека на Идена.

Английский министр иностранных дел любил подчеркивать, что был офицером, капитаном. Может быть, поэтому он держался просто и во внешности имел что-то рыцарское. Высокий, худощавый, с коротко подстриженными усами и милой улыбкой, он вызывал симпатию. С особым интересом мы, адъютанты, разглядывали его безукоризненно скроенное представительское обмундирование, а кто-то из бельведерских вахмистров заметил позднее:

– Такой костюмчик как пить дать злотых четыреста стоит».

Тут хорошо показаны и круг интересов польской шляхты и то вожделение, которое представляли для этой шляхты 400 злотых. Но ведь 400 злотых, это всего-навсего 87 рублей – то, что оставалось у хорошего трудяги-пленного от зарплаты за два дня работы на советском заводе даже после вычета прожиточного минимума. Еще раз подчеркну – на заводе сталинского СССР.

Еще один эпизод к данной теме. 17 сентября 1939 г. войска Красной Армии перешли границу и вошли на территорию бывшего польского государства. Исполняющий обязанности начальника погранвойск Киевского округа вече-

ром пишет донесение о том, что польская авиация атаковала и пыталась штурмовать территорию СССР (один самолет сбит артиллерией), о том, что одна наша погранзаства по ошибке открыла огонь по своей же кавалерии (один красноармеец убит, трое ранено и ранено две лошади) и т. д. Однако в конце донесения он информирует о том, что может стать экономической проблемой (выделено мною): «Население польских сел повсеместно приветствует наши части, оказывая содействие в переправе через реки, продвижению обоза, вплоть до разрушения укреплений поляков. Зарегистрированы попытки группового перехода на нашу сторону с целью свидания с родственниками и **покупок разных предметов и продуктов в кооперативах наших погрансел**». Война, кровь, а обыватель ринулся в магазины Советского Союза за покупками.

«Мы никогда так хорошо не жили, как перед войной» – говорили наши старики еще в 70-х. «Мой милый, если б не было войны» – вздыхается в грустной советской песне. Но война была.

И развязал эту войну не Советский Союз.

Корни

А теперь я хочу написать о своем отце. Почему? Потому, что оценить народ удобно на примере. Это главное.

Потом, есть еще три соображения. Во-первых, я полностью разделяю мысль Ярослава Гашека в предисловии к его «Похождениям бравого солдата Швейка», где он о причинах написания романа о столь незначительном герое поясняет: «...Он не поджег храма богини в Эфесе, как это сделал глупец Герострат для того, чтобы попасть в газеты и школьные хрестоматии. И этого уже достаточно».

И мой отец не поджигал свою страну и не предавал свой народ – он ее строил и его защищал. И этого уже достаточно. Об остальных причинах написания я скажу в конце.

Хотя я и прожил с отцом безвыездно 24 года, а потом каждый отпуск проводил дома, но, к сожалению и стыду, очень мало знаю его биографию. Как-то очень мало в семье приняты отвлеченные разговоры, не имеющие отношения к тем вопросам и проблемам, что решались семьей в это время. Не то что в семье были какие-то строгости или чрезмерный официоз, как, скажем, в семье князей Болконских в романе «Война и мир», нет. Более того, я, например, в отличие от детей многих украинских семей, обращался к отцу и матери, дедушке и бабушке на «ты», хотя сам отец обращался к своим родителям, как требуют украинские обычаи, только

на «вы».

Просто дух семьи был таков, что рассматривать отца в качестве попа, которому нужно исповедоваться, можно поплакаться в жилетку, не приходилось. Не принято это. И отца тоже было непросто вызвать на какие-либо воспоминания или откровения, хотя я и старался. Как-то, когда я уже имел своих детей, пытался уговорить отца написать воспоминания для внуков, но не смог. Не охотник отец писать и даже в 90-х, когда он был квартальным и ему нужно было заполнять на жителей своего квартала многочисленные списки на водку, масло и прочее, выписывать справки и делать записи в домовых книгах, он привлекал в помощь маму, которая и на пенсии продолжала исполнять должность секретаря.

Одно время я решил использовать технику – купить магнитофон или диктофон и попросить отца надиктовать воспоминания. Не получилось. Мало того, что это по-прежнему не вызвало у него энтузиазма, но и годы, к сожалению, уже взяли свое.

Спрашиваю:

- Папа, расскажи, как жилось до войны?
- Да, в общем, тяжело.
- А продукты сколько стоили?
- Дешево... Пойдешь на базар с 15 рублями, полную сумку принесешь и мяса, и овощей.
- А получал ты сколько?
- Наверное, рублей 700.

– А, скажем, костюм сколько стоил?

– Рублей 200–300.

– Значит, ты мог каждый месяц покупать по костюму?

– Получается – мог.

– А сколько у тебя их было?

– Один.

– Так на что ты деньги тратил?

– Наверное, проедали...

Раньше, конечно, мне надо было за это дело взяться, проявить больше энергии при расспросах. А то ведь все, что знаю об отце, поступало как-то случайно. Помню, отец подметал улицу перед домом, остановился с соседом переговорить, а мы, детвора, устроили тут же, на обочине дороги, соревнования по прыжкам в длину. Отец, глядя на нас, вдруг рассказал соседу, что в 41-м немцы сбили их с высоты и, установив на ней пулеметы, открыли огонь по убегающим нашим. «Мы бежали, – вспоминал отец – с одним лейтенантом. Ему пуля оторвала подошву сапога, и он был ранен в пятку, но заметил это только тогда, когда мы отбежали от немцев километра на два. А внизу была речка, неширокая, но все же как до того забора. – Отец показал на забор противоположной стороны улицы, отмерив этим взмахом метров 7–8. – А я плавать не умею. Что делать?! Пришлось ее перепрыгнуть. Откуда силы брались?»

Смешно сказать, но даже о довольно интересных (по меньшей мере, для меня) подробностях своего рождения я

узнал случайно, на четвертом десятке жизни за рюмкой водки от старшего брата, который, кстати, тоже поразился моему незнанию этого факта.

Дело в том, что я действительно смутно помню детский эпизод. Мне лет 5, блестящая черная машина, на руле круг, разбитый на четыре белых и голубых сектора. (После перестройки узнал – «БМВ».) Мы с папой и мамой едем к ее родственникам. Веселый водитель с фамилией Кизимов. Он гладит меня по голове и смеется: «Ох и шустрый ты парень! Тебя в роддом везти надо, а ты как выскочишь, как побежишь! Еле-еле я тебя догнал!» При этом отец добродушно усмеется.

Оказывается, как рассказал десятки лет спустя старший брат Гена, схватки у мамы начались внезапно и резко. Мать послала Гену (ему шел восьмой год) за отцом на завод. Брат побежал вдоль дороги, так как время рабочее уже окончилось, а отец с работы обычно возвращался по этой дороге. Отец ехал вместе с другими работниками на заводском автобусе и, увидев бегущего навстречу сына, попрिдержал его водителя. На счастье, сразу за автобусом, на персональном «БМВ» ехал директор его завода с водителем Кизимовым.

Отец остановил и эту машину, директор пересел в автобус, а отец с Генкой помчался домой везти маму в роддом. Посадили маму, но отъехать успели метров 200. Я уже не хотел ждать. Кизимов остановил машину, а так как отцы в таких случаях обычно беспомощны, то он закатал рукава и

принял роды прямо на улице. Доставил он нас в роддом уже готовеньких.

Я не могу считать этот мой рассказ об отце образцом реализма, многие эпизоды биографии отца основаны на впечатлениях от его рассказов «по случаю», специально не выяснялись и не уточнялись. Этот рассказ – скорее всего импрессионизм в ранней стадии...

Отец и мать дали мне хорошую породу. И отец и мать – дети украинских крестьян, а точнее – малороссийских. Правда, одно время я думал, что отец несколько изменил фамилию, так как дедушку в селе звали (в переводе на русский) «дед Федор Муха». Но оказалось, что нет, что это кличка, которую, кстати, и нам с братом в детстве пришлось носить; Мухин – это подлинная фамилия. Отец моего деда – Остап (Евстафий), а вот его отец Архип был курским крестьянином, пришедшим в прошлом веке на заработки в село Николаевку Новомосковского уезда Екатеринославской губернии, где его и женили и где он своей русской фамилией вклинился в чисто украинских Шкуропатов, Пупов и прочих. Впрочем, что значит «чисто украинский»?

По Украине столько веков бегали взад-вперед то татары, то литовцы, то поляки, то шведы, потом пошли переселенцы от евреев до немцев. И всяк норовил местному населению породу улучшить и улучшал. Да и свои казачки запорожские, разбойничая от Стамбула до Варшавы, не прочь были разнообразить на своих хуторах женские лица. Поэтому я ду-

маю, что русский, как дворняга, – чем больше в нем кровей намешано, тем он породистее. Между прочим, даже в русских аристократах это сидело. Генералиссимус Суворов, воинской славы – по горло, куда уж больше, так нет, фамилию свою выводил не от украинского слова «суворый», т. е. – «суровый» (чем плохо?), а от какого-то варяга Сувора в дружине Рюрика. А славный русский писатель Куприн? Гордился не своей литературной известностью, а тем, что он – русский офицер и что в жилах у него течет и кровь татарских князей. Так чего уж нам, крестьянам, гнушаться своей курской и еще бог знает какой крови? Так что с точки зрения генетики, у меня все в порядке, в лучших русских традициях. С сословной точки зрения, происхождение из крестьян – тоже отличное. Лучше только из солдат. Но и этого – навалом. Украинцы все-таки, хотя профессиональных военных в семье никогда не было.

Князь Голицын, споря в печати с петлюровцами, доказывал, что украинцы – это русские, и не из худших, так как украинцы всегда были лучшими солдатами русской армии. В русской армии были и бесстрашные татары, но украинцы, благодаря своей выносливости и упрямству, прошу прощения – упорству, это ее лучшая часть. Да и в Советской армии вам бы каждый сказал, что «хохол без лычки, что справка без печати». Очень редкое явление. Действительно, все мои товарищи по юношеским, порой хулиганским годам вернулись со срочной службы как минимум сержантами, сосед старши-

ной, а заводила Виктор с совершенно украинской фамилией Сало, так тот вообще в мирное время за 3 срочных года дослужился до младшего лейтенанта.

На моем столе под стеклом – репродукция старой изломанной фотографии. На ней, судя по длинным шинелям, 3 кавалериста Первой мировой войны, судя по всему – 3 драгуна. Унтер-офицерские лычки, на груди по два креста с бантами, медали. В центре Михаил Белокур – мой дед по матери. Этот дед умер, когда я еще не родился, а когда мне было 9 лет, погибла моя мать. Родня по материнской линии жила достаточно далеко и, главное, неудобно по транспорту. Отец вскоре привел в дом вторую мать и сводного брата Валерия, и, видимо, это тоже как-то отдалило материнских родственников. Кроме того, они довольно быстро, порой нелепо, умирали. Остались фотографии, и когда я был уже подростком, мне очень захотелось подержать в руке Георгиевский крест. Судя по фотографии, у деда по матери он был. Но... не было этого деда.

И я решил, что если кресты были у одного деда, то почему их не должно быть у второго? И при первой же поездке в село к деду я пристал к нему с расспросами:

- Дедушка, а у тебя кресты есть?
- Какие кресты?
- Ну, военные, как вроде сейчас ордена.
- Нету, – безразлично ответил дед.
- А медали? – все еще теплилась маленькая надежда.

– И медалей нет.

– Так ты что – не воевал?

– Как это не воевал? – удивился дед и задрал верхнюю и нижнюю рубахи, которые он всегда носил навывпуск.

На по-крестьянски молочно-белом, плоском животе деда, правее пупка, ясно виднелся вертикальный шрам сантиметра 4 в высоту.

– Видишь, – сказал дед, – австрияка штыком изловчился. Спасибо землячку с Полтавщины, пособил в этом деле. Австрийца успокоил и меня на себе вытащил.

Такие вот оказались у деда кресты и медали.

Когда дед Федор вернулся с фронта, умерла мать моего отца, бабушка Ганна (Анна), при очередных родах. Дед женился на вдове с дочерью. У меня осталось впечатление, что в детстве у отца и его братьев Ивана, Трофима и Иллариона отношения с мачехой были не вполне. Как-то я по дурусти упрекал в чем-то отца, и тот с большой обидой сказал, что я не знаю, что такое по-настоящему строгий отец.

Он рассказал, что вскоре после второй женитьбы дед построил новую хату, и сада возле нее еще не было. А чай пили, заваривая вишневые веточки. Бабушка Горпина (Агриппина) – мачеха отца – послала его наломать веточек в саду у соседа. Но сосед весь день был на улице, отец не смог незаметно подойти к его вишням. Вернулся с поля замерзший дед и попросил чаю. Бабушка демонстративно налила ему в кружку кипятка. Дед удивился, и бабушка ему сказала, что,

дескать, Гнат не захотел принести веточек. Дед взял вожжи и выпорол отца так, что тот плашмя лежал, не вставая несколько дней. Когда отец, наверное, не менее чем через 60 лет вспоминал это, мне казалось, что та обида в нем не утихла.

Интересно, что и я подобного не минул, но не с таким итогом. Мне было лет 7, когда я впервые попробовал рыбачить. Старший брат, естественно, был мне нянькой, а 8 лет разницы в возрасте не делали для брата эту службу привлекательной. Поэтому Гена охотно отозвался на мою просьбу сделать удочку. Быстро срезал кленовую ветку, нацепил леску, привязал крючок, грузило и показал, где искать червей. Сам же отправился по своим делам.

До Днепра было не очень далеко, но дело в том, что там с берега рыба не ловилась на такую видную снасть. Поэтому друзья увлекли меня в парк на канаву, в место, где меня за дальностью никто не догадался искать. А на канаве ужасно ловились ерши. Только где-то в двенадцатом часу ночи счастливый, с куканом ершей до земли, я вернулся домой. Сейчас уже и не вспомнишь, что было с братом за мою увольнительную из дома, но кукан с ершами моментально оказался на самой вершине груши, где они и засохли.

Отец привез с фронта трофеи, но почти все они ушли на материалы для строительства дома. В памяти остался ковер метра 3 на 4 (из японского посольства в Берлине) и пустая кобура. Были 2 пистолета, и, наверное, отец бы пострелял из них со мною жаб на болоте, как это он делал с моим старшим

братом, но шустрый сводный брат быстро отыскивал те места, где отец прятал пистолеты, и в результате папа выбросил их в выгребную яму уборной. Мне досталась только кобура. Была у отца еще и опасная бритва «Золинген», правил он ее на широком офицерском ремне с латунной прорезной пряжкой.

Забросив ершей на грушу, отец тут же показал мне, для чего, кроме правки бритвы, может применяться этот ремень. Наверное, я был смысленый, а может, несправедливых наказаний никогда не было, но я больше не помню их. Наверное, они были, но память их не удержала, да и это, по-моему мнению, нужное мне наказание помню, вероятно, только потому, что память связывает его именно с первой рыбалкой.

Кстати, в Средние века прибалтийские бароны, когда делили между собой земли и устанавливали границы, на ключевых пунктах границ пороли маленьких сыновей своих крепостных, чтобы те запомнили до старости границы земли своего барона. Так вот, я и сегодня могу безошибочно указать то место в парке на канаве, где поймал первых ершей. Не глупо поступали бароны.

Но вернемся к отцу и его семье. Отец родился 17 декабря 1911 г., но крестили его 1 января 1912 г. с тем, чтобы попозже наступил его призывной срок военной службы. О том, что детство его было нелегким, видимо, бессмысленно писать – кто это сегодня поймет? Как нам, считавшим голодом нерегулярные поставки колбасы в магазин, понять лю-

дей, действительно голодавших? Переживших 27-й год, 33-й год, 47-й год? Да отец никогда об этом и не говорил.

Но все-таки время от времени к какому-нибудь случаю да что-нибудь вспоминалось. Например, к вареной картошке мама подает тюльку, и отец вспоминает, что в годы его детства дедушка тоже как-то купил тюльку, и вся огромная семья села ее есть. Хитрая невестка, вместо того чтобы брать по одной рыбке, захватывала сразу несколько, одну клала в рот, а остальные сбрасывала в подол. Бабушка заметила и спросила, что она туда бросает. Та ответила, что это головки. «Ничего, – сказала бабушка, – ложи головки на стол, мы и головки съедим».

Или, например, по мнению отца, мама скупо полила салат подсолнечным маслом, и он ее подначивает таким «советом». Дескать, бабушка в годы его детства делала так. Открывала на виду у всех бутылку с маслом, опрокидывала ее горлышком вниз над блюдом, которое требовалось помаслить, но при этом успевала большим пальцем руки, которой держала бутылку, закрыть горлышко. Делала вид, что помаслила и снова закрывала бутылку.

Но, думаю, что в то время другие жили и хуже, потому что дедушка все-таки был крепким хозяином. Даже в мое время на Украине у многих хаты были крыты соломой или камышом. А у дедушки и сама хата, и служебное строение, в котором были его мастерская, склад топлива и хлев, были крыты железом.

Только летняя кухня и конюшня были под соломой. Конюшня – это, конечно, осталось от старого, лошадей я не застал. Впрочем, в раннем детстве в ней стояла корова, которую в те времена дедушка держал пополам с другим хозяином. Мой дядя Илларион – дядя Ларик – как-то рассказал, что при организации колхозов дедушка боялся попасть под раскулачивание, так как у него было штук 6 лошадей и столько же коров. Но поскольку батраков у него не было, а за стол порой садилось до 19 человек, то его сия чаша миновала.

Видимо, здорово помогало дедушке и то, что он имел работу на зиму – период, когда у крестьян работы мало. Он был стельмахом, т. е. столяром, специализирующимся на изготовлении телег, подвод, бричек и т. д. «Весной, – вспоминал дядя Ларик, – дедушка запрягал в подводу пару коней, а к подводе привязывал еще штук двадцать подвод, и мы ехали в Новомосковск на базар их продавать. Однажды удачно продали, и твой дедушка купил мне велосипед!» Да, в те годы велосипед – это, пожалуй, как вертолет сегодня. То-то шикавал перед девчатами дядя Ларик! Судя по этому эпизоду, жил дедушка неплохо, но, видимо, все-таки недостаточно, чтобы удержать семью в голодный 27-й год. В этом году мой отец, 15 лет от роду, ушел в Днепропетровск искать лучшей доли. Без ничего. Правда, когда у меня «хватило ума» повторить эти слова при бабушке, она страшно возмущалась: «Как без ничего?! А подушка и одеяло, которое я ему в город передала?!» Еще и отец за мои необдуманные слова от

бабушки втык получил.

В Новомосковске отец быстро кончил курсы каменщиков и, видно, был каменщиком добросовестным и старательным, так как ему доверяли класть углы мартеновских печей на заводе им. Карла Либкнехта уже в Днепропетровске. Но там же и обсчитали в расчете, и он перешел на завод имени Артема. На этом заводе он, если включить в счет армию и фронт, проработал 47 лет. Начинал с того, что толкал железнодорожные вагоны по подъездным путям завода, затем кузнецом, котельщиком, учился в вечернем техникуме, но документов об его окончании я никогда не видел. С завода был призван на срочную службу.

Разумеется, что на срочной службе он быстро дослужился до старшины. Вернулся на завод, стал работать диспетчером завода, был избран его комсоргом. Сведений о его жизни в это время мне известно мало, знаю только, что в это время он увлекался фотографией. Но надвигалась война, и в 1939 г. отца направляют на курсы младших лейтенантов – в Школу красных старшин в городе Янов Киевской области. В январе 1941 г. он, разумеется, окончил эти курсы не младшим лейтенантом, а лейтенантом. Наш род служба никогда не пугала, хотя на нее и никто специально не нарывался. Но раз уж попал служить, то служить надо хорошо.

В это время случилось важное для меня событие. Отец как-то приехал на выходной в родное село, там вечером познакомился с молоденькой учительницей, а утром они поже-

нились. Видимо, отец уже был на заводе достаточно уважаем, поскольку молодоженам была дана комната в заводском многоэтажном доме, совсем рядом с заводом. Были и горести.

Отец с беременной матерью возвращались из села пригородным поездом. Была страшная давка, маму сильно помяли, и наша старшая сестра Люба, названная, как мама, в младенчестве умерла.

Отца призвали 23 июня. Надо сказать, что с участием отца в войне связана семейная история, красивая, как легенда. Немцы с началом войны по ночам стали бомбить Днепропетровск. Вновь беременная мать боялась ночевать одна в пустой квартире и на ночь пошла ночевать к подруге. Утром им донесли тревожную новость: «Артем» бомбили». Весть о том, что Днепропетровск уже бомбят, дошла и до дедушки. Он немедленно снарядил подводу и послал старшего брата отца, не подлежащего мобилизации дядю Ивана, в город забирать невестку. Дядя Иван ехал всю ночь 60 км до города и только к утру подъехал к дому моих родителей.

Сюда же прибежала от подруги и моя мать. В дом попала бомба, часть дома обвалилась. Мать рассказывала, что она вошла в уцелевший подъезд и стала подниматься по лестнице к своей квартире. Дверь квартиры была выбита взрывом, на пороге стоял дядя Иван с кнутом в руках и отрешенно смотрел в провал под своими ногами. Естественно, все в квартире было разбито и погребено под обломками, но...

на уцелевшей части стены абсолютно нетронутым висел фотографический портрет отца. И мать сказала: «Он вернется живым».

У половины моих дядьев такой счастливой приметы не было.

У моего дедушки по отцу – Федора – детей было много, но часть из них умерла в детстве (при родах умерла и его первая жена – Анна). Выжило четверо сыновей от бабушки Анны и сын от второй жены – бабушки Горпины. Всего, значит, по мужской линии у меня должно было быть четверо дядьев: Иван, Трофим, Илларион, Николай. Дядя Иван не подлежал призыву и умер в голод 1947 г., остальные ушли на фронт.

По маме у меня было двое дядьев: Иван и Федосей. В Федосея в детстве попала молния, и у него была парализована одна сторона тела. А Иван Белокур был военным летчиком.

Сгорел в своем самолете дядя Иван Белокур, убит был пехотинец дядя Трофим Мухин, пропал без вести дядя Николай Мухин. Николай был единственным совместным сыном бабушки и дедушки, и его долго ждали, до середины 60-х не верили, что убит, надеялись, что жив, что в плену, думали, что вот-вот отзовется. Не отозвался...

Из 6 дядьев трое убиты на фронте, половину старшего поколения мужчин моей семьи унесла война.

Из четверых мобилизованных дядьев вернулся только один – артиллерист дядя Илларион (разумеется, старшиной), хитроватый, веселый, с врожденным подначливым хох-

лацким юмором.

Но это было потом.

Война

Дядя Иван отвез мою мать в село к свекру и свекрухе. А 22 августа, уже в оккупации, мама родила моего старшего брата Гену, и хотя это имя не совсем идентично имени отца – Игнат, но все-таки назван так был брат в его честь. Сама она в оккупации работала в этом же селе учительницей начальных классов до тех пор, пока во двор не вбежала малолетняя дочь старосты села и не крикнула: «Дед Федор, отец послал сказать, что немцы село окружают, молодых в Германию будут гнать! Прячьте тетю Любу!» Но куда?

Дедушка схватил ручную тележку, бабушка в нее что-то бросила, мать схватила Генку, и они огородами выбежали в степь, где дед махнул рукой: «Там Губиниха, а оттуда дорогой пробуй добраться до своих».

Хотя маме тогда было не больше 23, дорога ей далась очень тяжело: надо было прятаться от немцев и полиции, перебраться по наведенному немцами понтонному мосту через Днепр. Пройти надо было почти 300 км. Ее рассказ об этом я смутно помню с детства, причем с упоминанием, что брат вел себя непослушно, не хотел сидеть в тележке, цеплялся ручками за ее колеса.

Тележка сломалась, но, к счастью, мать нашла на дороге утерянные кем-то очки, и ей попался подслеповатый кузнец, который за эти очки отремонтировал тележку.

В конце концов, она пришла в свою родную Златоустовку под Кривым Рогом и до освобождения жила со своими родителями.

Как-то мы с отцом несли домой по 2 ведра абрикосов, дорога была длинная, мы говорили о том, о сем, и как-то вспомнилось это бегство мамы из Николаевки. Но, оказывается, в Златоустовке к маме приставал какой-то полицейский. Как приставал – отец не уточнил.

(Вообще-то, когда я пацаном летом жил у дяди Федосея в этой Златоустовке, то помню, как дядя рассказывал, что когда наши вернулись, то они всех предателей перевешали. Но этот полицейский был, видно, какой-то невредный.)

Тем не менее, когда эту часть Украины освободили и отца отпустили с фронта в отпуск повидаться с семьей, отец специально занялся розыском этого невредного полицейского. Но тот, узнав об этом, сбежал из села. И судя по тону и выражению лица у отца, когда он об этом вспоминал, мне этого полицейского надо благодарить – избавил он своим бегством отца от штрафного батальона.

Первые бои

Но продолжу биографию отца. Мы подошли к периоду, для меня достаточно насыщенному эпизодами, но и достаточно смутному. Конечно, рассказы отца о войне были мне страшно интересны, но... они были неинтересны ему.

Я знаю десятки фронтовиков, которых хлебом не корми, а дай поговорить о войне. Такие обычно сильно врут и приукрашивают, но ведь хоть что-то от них узнаешь интересное. А тут родной отец, а начинаешь вспоминать, так и получается, что почти все, что узнал о нем, узнал как-то случайно.

Сидят, скажем, как-то у дедушки, наверное, на Пасху (на Пасху мы всегда ездили к дедушке) наша семья, дяди Лари и дяди Гриши – мужа сводной сестры отца – тети Марии. Дядя Гриша – алкаш, ему много не надо. Поддал и почему-то вспомнил, как жил у бауэра в Германии, куда его подростком угнали немцы. Как ему там было голодно, так голодно, что даже какой-то мох начал расти на теле. Но говорил это таким тоном, что вроде он один на войне пострадал, а все во время войны на курорте отдыхали. У дяди Гриши, судя по моим воспоминаниям, особой любви к отцу не было, и когда папа заметил ему, что и они с Илларионом во время войны не без дела были, дядя Гриша стал оскорблять отца, – дескать, ты всю войну в тылу просидел. Отец вспылил:

– Я 11 раз ходил в атаку!

– Брешешь, – кричал дядя Гриша, – если бы ты 11 раз ходил в атаку, тебя бы убили!

Скандал погасили, а я таким образом узнал, что отец 11 раз ходил в атаку. И дело не в том, что отец меланхолик или флегматик, нет. Он скорее сангвиник, но ни он, ни дядя Ларя, похоже, как-то не видели ничего особенного, ничего сверхординарного в своем участии в войне, не видели ничего, чем стоит хвастаться. Дядя Ларик мог похвастаться, какую пару кабанчиков он сумел откормить и довольно подробно рассказать, как он их кормил.

Но то, что у него орденов столько же, сколько и у отца, среди которых и орден «Славы» да еще и медаль «За отвагу» есть, я узнал совершенно случайно, когда мои кузины при мне искали какие-то документы и вытащили коробку с ними.

– Папа, – спрашиваю я, – а ты немцев убивал на войне?

– Убивал.

– Много?

– Много...

– Лично убивал?

– Бывало и лично.

– А как?

– Да по-разному.

– А как все-таки?

– Не помню, отстань.

Но хотя я и подросток, но тактик, и начинаю делать обходной маневр, понимая, что и отец понимает, что он не может

не помнить, как убил первого.

– А как ты убил первого?

Отец без энтузиазма начинает рассказывать...

Но лучше все-таки рассказать, как отец встретил войну, поскольку тогда для него все было первым: и первая атака, и первый убитый враг, и первый военно-полевой суд.

Отец – сапер, и мне, например, совершенно непонятно, почему его, не имеющего опыта лейтенанта, призванного в армию с началом войны, назначили на должность начальника штаба (адъютанта старшего батальона) УРовского батальона. Дело в том, что УРы – укрепленные районы на старой границе – должны бы были, по моему разумению, защищать стрелковые, а не инженерные войска. Действительно, потом отец служил по специальности – командиром саперной роты, саперного батальона, инженером стрелкового полка. Но начал он войну в такой своеобразной пехоте.

Кроме того, этот батальон был отдельным, т. е., он имел ранг полка, имел свое знамя и, кстати, по словам отца, действительно был очень мощным. Отец утверждал, что у них было в батальоне более 70 пулеметов – это раза в 4 больше, чем в обычном стрелковом батальоне, а еще минометы на грузовых автомобилях, счетверенные зенитные пулеметные установки, тоже на автомобилях. Видимо, страшным был некомплект командиров, если лейтенанту доверили штаб такой мощной подвижной части. Правда, и комбат был только старшим лейтенантом.

Встретил этот батальон войну в Бессарабии, а отец в первом бою участвовал уже через 5 дней после мобилизации – 28 июня – под городом Комрат. С началом войны к отцу прикрепили ординарца, и отец дал тому очистить от смазки только что полученный наган. Ординарец, не зная, как наган устроен, сумел его разобрать, но не сумел собрать и, видимо, боясь нагоняя, сунул его разобранным отцу в кобуру. Отец говорит, что этот придурок не вставил ось барабана. Правда, и отец не проверил оружие... Тоже хорош.

Против батальона действовали румыны; батальон занял оборону, начал окапываться, и отец пошел осматривать окопы. На участке одной из рот перед ее фронтом не успели скопировать кукурузу, и румыны, пользуясь тем, что они в кукурузе плохо видны, пошли в атаку. Командир роты, где как раз и находился отец, поднял роту в контратаку. Отец не говорил, из каких соображений, но он тоже побежал с этой ротой в контратаку – совершенно не начштабовская работа.

У отца не было другого оружия, кроме нагана, и когда отец его выхватил из кобуры, барабан выпал, отец это не заметил и бежал со всеми, но безоружным. Выскочив из кукурузы, он наткнулся на румына с винтовкой наперевес. Отец вскинул наган и начал щелкать курком. Выстрела, естественно, не было. Отец, как он говорит, с перепугу, закричал на румына: «Ложись, а то убью!» Видимо, не менее перепуганный румын бросил винтовку и поднял руки вверх. Отец его взял в плен, но потом, как он говорил, никогда больше не

притрагивался к нагану, личным оружием у него был только пистолет ТТ.

Теперь из соображений хронологии лучше рассказать про военно-полевой суд. Это был последний бой, который 32-й штурмовой батальон провел более-менее организованно. Батальон занял позицию на краю обширного конопляного поля, имея его перед собой. Отец расположил штаб в тылу батальона в кукурузном поле, дальше в тылу было пустое пространство, речка с мостом, и за ней большое село (название я забыл). Фланги батальона упирались в балки и лесополосы. Поздним вечером перед фронтом батальона появилась какая-то кавалерия. Отец пошел выяснять, что за войска. Это оказалась казачья часть.

Казаки были уже средних лет, т. е. настоящие мужчины, возможно, и с опытом империалистической. Через грудь у них были надеты красные ленты с надписью: «Дон – Берлин». (Эта надпись мне долго не нравилась, мне казалось, что отец здесь или фантазирует, или что-то путает. Но потом, читая мемуары других авторов, я нашел подтверждение этим воспоминаниям отца.) Начальник штаба казаков, майор, договорился с отцом о плане завтрашнего боя. План был таков. Казаки скроются в балках и за лесопосадками на флангах батальона. Когда утром немцы пойдут в атаку, батальон должен был своим огнем заставить немцев залечь и накопиться за насыпью, проходившей через конопляники. «И тогда в дело вступим мы», – закончил майор.

Утренний бой прошел по плану. Когда немцы под пулевым огнем батальона сосредоточились за насыпью, две лавы казаков с флангов обрушили на них сабельную атаку. Казаки вырубали всех, причем страшно: отец говорил, что некоторые немцы были разрублены от плеча до пояса. Но время уже было не для таких атак, казаки и сами понесли большие потери. После боя начштаба казаков подарил отцу боевого коня своего убитого адъютанта и предупредил, что их меняют и что сменит их обычная кавалерия. Эта кавалерия действительно подошла, но стала в глубоком тылу батальона и даже не выслала представителей для обсуждения взаимодействия. А когда немцы сделали по ней несколько артиллерийских выстрелов, то она развернулась и ускакала в неизвестном направлении.

Обозленные первой неудачей немцы обрушили на батальон удар огромной силы. Наши солдаты стали бросать окопы и убегать, комбат побежал их останавливать, отец тоже пытался остановить бегущих, пока не услышал в кукурузе команды на немецком языке. Он бросился к коню, и как заметил отец, конь действительно оказался «боевым», он бросился от немцев таким аллюром, что его хвост стлался параллельно земле, и кстати, ноги отца были параллельны хвосту, так как конь не оставил отцу времени сесть в седло, отец только и успел за него зацепиться. Эта джигитовка закончилась тем, что конь вынес отца на улицу села прямо в руки заградительного отряда.

Отца разоружили и отвели в хату, где заседал военно-полевой трибунал, который не стал его слушать и за самовольное оставление боевых позиций приговорил к расстрелу. До начала церемонии его закрыли в сарае, где уже сидели другие приговоренные. На счастье, заградотряд вскоре задержал и командира отца – старшего лейтенанта. Но тот вошел в село с группой солдат батальона и с полуторкой, на которой был установлен счетверенный зенитный пулемет.

Группа остановилась возле хаты, а комбата завели внутрь к трибуналу, и вскоре и он тоже получил расстрел. Но когда его вывели, он скомандовал своим солдатам: «К бою, наводи пулеметы на хату!» Конвой растерялся, комбат перебежал к своим, затем разоружил трибунал, арестовал его и отправил в штаб армии. Отца и других освободил.

Как я понял, с этого момента батальон стал фактически группой выходящих из окружения солдат и командиров. Но отец по своей должности отвечал за сохранность тылов части, и когда он накануне боя увидел, как удирает от немцев наша кавалерия, то сразу приказал обозу батальона тоже перейти мост и расположиться в селе. Этим он спас знамя батальона и его документы; имея знамя, батальон фактически продолжал существовать. Эта группа, пока в составе своей дивизии, начала выходить из окружения, пытаясь соединиться с Приморской армией.

Немцы нещадно бомбили дивизию с воздуха, в причерноморских степях негде было от них укрыться, начались

повальные дезертирства и сдачи в плен, отец говорил, что вдоль тех дорог, по которым он шел, как лес торчали воткнутые штыком в землю наши винтовки. В это время отцу и встретился тот первый немец, которого ему пришлось убить лично. Было это так.

Отца с товарищем послали разведать пути отступления. Они ехали на «бедке» – двухколесной конной повозке. Ночь уже опустилась на землю, когда они въехали в балку, там было совсем темно, но при выезде из нее они вдруг на более светлом фоне неба увидели двух немцев, неосторожно пытавшихся рассмотреть, кто едет. Отец и его товарищ соскочили с «бедки» и выстрелили первыми: отец – из пистолета, а его товарищ – из автомата. Одного убили, а второго ранили. Раненого захватили и привезли к своим.

После допроса отец отвел пленного от штаба и выстрелом из пистолета в голову убил. Формально отец совершил преступление: по Уголовному кодексу пленных убивать запрещено. Но отец воевал с немцами не формально, а по-настоящему. Сдать пленного было некуда, сами были в окружении. Было два пути – или отпустить, или убить. Отец убил. Война для него футболом не была.

Забегу вперед. В конце войны в Германии отец на марше командовал боевым разведдозором дивизии. Наткнулись на колонну немецких беженцев, которые спасались от наших войск. (И правильно делали, в Германию входили солдаты, уже увидевшие свою страну сожженной и изнасилованной.)

Понимая, что будет, когда эту колонну догонят войска дивизии, отец скомандовал немцам бежать и прятаться в ближайший лес. Переждать, пока дивизия пройдет.

В это время подъехал начальник политотдела, еврей, если это имеет значение. Бросился к немцам, выхватил из толпы старика и выстрелил в него. Вернее – пытался выстрелить. Пистолет дал осечку. Но второй раз ему выстрелить отец не дал и потребовал, чтобы тот убрался, а когда начальник политотдела попытался надавить на отца должностью и званием, отец пообещал его пристрелить. Оскорбленный начальник политотдела уехал. Остановились на ночевку, и отец с тревогой ждал, когда за ним придут. Действительно, пришли. Пришел адъютант командира дивизии и под роспись ознакомил с приказом Жукова, из которого следовало, что «за убийство гражданского немца – расстрел, за поджог дома – расстрел, за мародерство – расстрел». Фактически отец спас от расстрела своего начальника политотдела, но, похоже, тот этого не оценил.

Вернемся в 1941 г. Наступил день, когда отступающие и окруженные остатки дивизии, состоявшие уже в основном из командиров, коммунистов и евреев в количестве 1100 человек, уперлись в последний заслон немцев. Поступил приказ: ночью всем вместе прорваться, а затем, рассеявшись по степи, добираться до Одессы поодиночке. Прорвались. Из батальона отца прорвались 3 командира и подвода с лошадью. В подводе было знамя батальона и железный ящик с доку-

ментами. Поставили подводу на дорогу в Одессу, посадили самого лихого – командира разведчиков – и, нахлестав лошадь, наказали ему гнать без остановок до самого города. А сам отец с еще одним лейтенантом пошли пешком. Шли по тылам немцев несколько суток, ночами, голодные. По дороге их чуть не убили румынские мародеры, шедшие в тылах своих войск грабить Одессу. Наши по ошибке их приняли за мирных граждан.

Дошли ночью до последнего перед Одессой села, там их задержали председатель и парторг колхоза, оставшиеся партизанить: проверив документы и наличие петлиц и звездочек, покормили, но приказали немедленно убираться из села, так как немцев ждали с минуты на минуту. Отец с товарищем вышли из села, но идти не было сил, и они заснули в стогу. Утром их разбудил топот сапог идущего из Одессы в село отряда моряков во главе с подполковником, Героем Советского Союза. (Потом, особенно внимательно читая мемуары об обороне Одессы, я встречал упоминание и об этой бригаде морской пехоты, и о ее командире.) Отец доложил ему, и они с товарищем снова пошли в Одессу, на сборный пункт своей дивизии. Увидели сзади попутную подводу, решили попроситься подъехать и к удивлению узнали свою подводу со знаменем. Оказывается, лихой разведчик быстро ехал только до этого села, а там как заночевал у молодки, так ночевал, ночевал и ночевал. Можно представить себе ярость отца? Ярость оттого, что он пешком обогнал свое знамя, ко-

торое отправил на лошади. Ведь выйди он без знамени, его бы ждал трибунал с известным приговором. Получалось бы, что он – начальник штаба – бросил свой батальон. Кстати, его дивизия потеряла знамя, была вычеркнута из списков дивизий Красной Армии, и даже службу в ней отцу не хотели учитывать.

Итак, остатки батальона отца в количестве трех человек при знамени и под его командой прибыли в Одессу на сборный пункт дивизии. Собралась там ровно десятая часть пропавшихся – 110 человек.

Я спрашивал его, какую награду он получил за спасение знамени части.

Отец только усмехнулся. За все эти бои его отметили только немцы, сбросив в конце обороны Одессы бомбу недалеко от отца, от осколка которой он получил тяжелое ранение в голову, настолько тяжелое, что очнулся от него только в Новороссийске. Правда, он говорил, что вроде помнит, как его везли на пароходе из Одессы и как какая-то женщина не отходила от него, поддерживая ему голову, страдающую от качки.

О наградах

Кстати, о знаменах. В художественной литературе о войне спасение знамени части – довольно любимая тема, и если герой не погиб, то его обязательно награждают.

А в жизни нет. Как-то я ехал в поезде, и мне попался попутчик – симпатичный старичок. Мне он был еще более симпатичен, потому что немногочисленные орденские планки на его пиджаке начинались медалью «За отвагу». Оказался главным бухгалтером колхоза и довольно словоохотливым.

Он начал службу писарем зенитной части в Белоруссии. Начало войны для него было таким же беспорядочным, как и у отца. Их часть тоже отступала, в Березине они утопили свои орудия, в беспорядке отступления штабная машина, в которой они ехали и в которой находилось знамя, отбилась от своих, кончился бензин. Он и другой писарь подожгли машину, взяли знамя и пешком, через много дней вышли к своим, причем нашли свой штаб. И за это вы получили медаль «За отвагу»? – поинтересовался я. (Ведь если они вышли к штабу, то было кому заполнить представление к награде.) Что вы, – запротестовал главбух, приятно удивившись, что я разобрался в его наградах, – в машине сгорели хромовые сапоги комиссара, так он еще и попрекал, что мы вместе со знаменем не вынесли их.

А медаль старичок получил так. Его назначили команди-

ром расчета 37-мм зенитного орудия, и он всю войну простоял с ним на охране какого-то важного моста.

Кстати, интересен подход разных родов войск к одним и тем же опасностям. Пехота считает, что артиллеристам легче, так как они у нее в тылу. Артиллеристы говорят: «Хорошо в пехоте, сходил раз в атаку, и если не убили, то отдыхай полгода в госпитале. А тут таскай, таскай на себе эту пушку, пока тебя бомбой не накроет». Пехота приспособливается к обычному для нее артиллерийскому обстрелу, различает по звуку летящего снаряда степень опасности, понимает, что такое артиллерийская «вилка». Но пехота не любит авиационной бомбежки, которая была для нее в ту войну все-таки не очень частой, поскольку передний край как цель для авиации не слишком выгоден. А мой собеседник был зенитчик, его-то как раз и бомбили чаще всего. Он утверждал, что снаряд страшнее – снаряда не видно. А бомба в полете хорошо видна. Можно присмотреться, куда она летит. И даже если летит прямо на тебя – тоже ничего страшного. Надо всегда помнить, откуда ветер дует, побежать навстречу ветру и залечь. Бомбу ветром отнесет, и ты отбежал – уже взрывная волна не сильно ударит, а осколки через тебя перенесет. Так учил меня воинским хитростям колхозный главный бухгалтер. Так вот, о его медали.

В очередную бомбежку часть немецких самолетов бомбила не мост, а собственно зенитчиков. На орудие, которым командовал мой собеседник, спикировал самолет. А в это вре-

мя у заряжающего заклинило в приемнике кассету со снарядами. Пушка не стреляла. Мой рассказчик прыгнул на лафет, оттолкнул заряжающего и ударил обеими руками по кассете. Кассета вошла в приемник, пушка выплюнула очередь снарядов навстречу самолету. В это время рассказчик увидел, что от самолета отделились две бомбы. Скомандовал «в укрытие». Все спрыгнули в окоп. Раздался первый взрыв, и заряжающий, который, видимо, чувствовал себя виноватым, без команды «к орудию» метнулся из окопа. «Но ведь бомбы было две! – все еще переживал случившееся старый зенитчик. – Я успел схватить его за сапог и дернуть, но было поздно. Взорвалась вторая бомба, и он упал на меня уже без головы». А самолет между тем был сбит, и батарея, разобрав этот случай, засчитала победу расчету орудия моего собеседника. Всех наградили медалями. Кроме татарина-заряжающего, которому не повезло, которого похоронили.

Я пишу эти строки, чтобы напомнить, как трудно доставались награды солдатам, честным солдатам, тянувшим на себе ляжку той войны. Слишком много должно было совпасть обстоятельств, чтобы их боевую работу заметили, написали представление, чтобы оно прошло по инстанциям, чтобы за это время их не ранили, не убили, не перевели в другую часть.

Я пишу об отце, как о настоящем коммунисте, поэтому не могу все-таки обойти и примазавшихся к коммунистам мерзавцев.

Возьмем, к примеру, последнего «идеолога» КПСС – А. Яковлева. Можно ничего не знать о его партийной и государственной «деятельности». Нужно только посмотреть, как этот «герой» наваливал себе на грудь ордена, и понятно, что это за подвиг. Он был призван, попал на фронт и сразу же был тяжело ранен в задницу, что само по себе не имеет значения, но на фронт он больше не вернулся, окопавшись в партийных органах. Наградить его тогда никто не стал. Но вот в 1947 г. он отхлопотал себе орден Красной Звезды. За что? Мой тесть, попав на фронт, тоже воевал не много, был сразу тяжело ранен, стал инвалидом и до смерти ходил, хромя, с палочкой. После войны он, директор сельской школы, выучил три поколения своих сельчан, что никак не повлияло на количество его наград. Когда село его хоронило, на подушечке перед гробом несли две юбилейные медали; даже обычной для всех фронтовиков медали «За победу над Германией» у него не было.

За что же Яковлеву этот орден? За то, что не сбежал от призыва?

Этот тип – вещественное подтверждение ироничной сентенции Гинденбурга о том, что ордена дают не там, где их заслуживают, а там, где их дают. Аппетиты Яковлева растут. Ему дают еще один орден – Отечественной войны. Но этому политику с интеллигентным лицом хищного хорька и этого мало. Дойдя в своей карьере до членства в Политбюро, он теряет контроль над собственной наглостью и возлагает на

грудь орден Красного Знамени – самую почетную армейскую награду, если не считать звание Героя.

Дело в том, что хотя орден Ленина и старше ордена Красного Знамени, но в армии второй почитается больше, поскольку первый «и дояркам дают». А орден Красного Знамени дают только за воинские заслуги и ни за что больше.

И если вы видите на груди человека этот орден, или его орденские планки начинаются красно-белой ленточкой, и если этот человек не Яковлев, то значит перед вами воин, совершивший как минимум какой-то сверхординарный поступок, либо очень заслуженный.

Яковлев украл эти ордена. Украл у того колхозного бухгалтера орден Красного Знамени, который по праву полагался ему за спасение знамени части. Украл у него же и орден Отечественной войны, которым надо было наградить командира расчета зенитного орудия за умелое уничтожение им вражеского самолета с минимальными потерями. А орден Красной Звезды надо было отослать семье того татарина-заряжающего за то, что, в отличие от Яковлева, имел совесть. Ведь это совесть выбросила его из окопа под осколки. Для них Монетный двор лил серебро и клал эмаль на эти орденские знаки.

Но вернемся к службе моего отца и его первой награде. С наградами отцу долго не везло, два года он воевал, а ничем не отмеченный, да и не мудрено – пехота! А при поражениях и другим родам войск награды дают скупно, а тогда

вся Красная Армия никак не могла разорвать цепь сплошных неудач. Отец побывал во многих битвах той войны. Когда он вышел из госпиталя после первого ранения, его направили во вновь формируемую дивизию. Эту дивизию бросили на оборону Тулы, таким образом, отец участник битвы под Москвой. Но каково было это участие... Ночью дивизия отца разгрузилась в Туле и заняла оборону где-то в парке, а на следующую ночь то, что осталось от дивизии, около 200 человек, были выведены из города и уехали на переформирование. Но Тулу немцы не взяли.

Потом в книге «Битва под Москвой» в справочной таблице я нашел 69-ю стрелковую дивизию, в которой отец после первого ранения начал служить командиром отдельной саперной роты. Но в тексте упоминаний об этой дивизии нет. Видимо, очень уж кратковременным было ее участие. Был отец и под Сталинградом, не в самом городе, а на северном фланге этой битвы. Вы понимаете, что отец уже побывал в мясорубках, но Сталинградская поразила и его. Каждую ночь на передовую шло и шло пополнение, а обратно никто не возвращался.

Участвовал отец и в Курской битве, и здесь наконец сошлись вместе все составляющие, необходимые для получения награды. Вопреки утверждению Гинденбурга, ордена оказались в том месте, где их заслуживают.

Накануне наступления немцев на курско-орловский выступ саперы отца – инженера 120-го стрелкового полка – пе-

ред фронтом установили огромное минное поле дистанционно-управляемых фугасов. Немцы пошли в атаку на дивизию очень мощными силами: при поддержке танков на наши позиции решительно накатывалось несколько волн пехоты. Отец находился на командном пункте командира дивизии и держал руку на ключе подрыва минного поля. Рядом наблюдал за боем командующий 65-й армией П.И. Батов. Нервы у комдива стали сдавать, возможно, он сомневался, что это минное поле удастся подорвать. Он стал приказывать отцу взрывать. Но отец хорошо знал границы поля, он видел, что не все атакующие на него зашли, и стал возражать комдиву. Батов молчал...

Наша артиллерия и огонь стрелков немцев не останавливали. Наша пехота стала отступать на вторую линию обороны. «Взрывай!» – требовал комдив. «Рано!» – отвечал отец. Командующий армией молчал. Но вот немецкие танки стали подходить к ориентирам внутренней границы поля, и отец его взорвал. Все получилось. Когда осела поднятая взрывом земля, на поле горели разбитые немецкие танки, и не было видно ни одной живой души. Батов запустил руку в карман своего галифе, вынул коробочку с орденом Красной Звезды, сунул его в руку отцу, буркнул адъютанту: «Оформи документы», – и уехал на другой участок фронта.

И немцы не забыли об отце. При освобождении от немцев города Севск, 14 августа 1943 г. он получил тяжелое ранение осколком в ногу. Помню, пацаном без содрогания не мог

смотреть на зловещий шрам на внутренней стороне бедра, длинный, тянущийся от колена почти до самого паха. Отца спасло то, что он не сразу потерял сознание, успел снять ремень, наложить им жгут, частично остановив хлеставшую из раны кровь. А 27 августа Севск был освобожден, и 69-я дивизия получила почетное наименование «Севская».

Отец никогда этого не говорил, но чувствовалось, что он очень гордится этим орденом. (Да и то – два года воевать без награды – любому будет обидно.) У него есть фотография, снятая в госпитале в Ленинакане в Армении. В центре группы раненых стоит отец. На белом больничном халате припнчен орден...

И этот орден у отца хотели отобрать. Против него долго интриговал один генерал, легковую машину которого саперы по команде отца сбросили в воду с наведенной ими переправы. Машина заглохла и остановила движение войск на переправе, срывался график, отец не мог ждать, пока шофер починит двигатель.

Вообще-то интересно отношение отца к орденам. Я никогда их на нем не видел, а в детстве мне этого очень хотелось. Я гордился им (и сейчас горжусь), и мне так хотелось, чтобы все видели, какой он у меня, короче, мне хотелось хвастаться своим отцом. Я не понимал, что вот этот элемент хвастовства в ношении орденов не устраивает гордого отца. Он долго отказывался надевать ордена, мотивируя это тем, что не хочет портить костюм дырками от них. Тогда я сделал рац-

предложение: без его ведома на лацкан его парадного пиджака подшил петельки, вдел в них орден, приколот медали. Отец поулыбался и даже сидел в этом пиджаке дома на каком-то торжестве. Но потом все снял. Такое же отношение к орденам и у дяди, да и многих других. Можно их понять: они не хотят, чтобы другие подумали, что они этими наградами хвастаются. Но я и сейчас считаю, что это неправильно. Надо носить. Им можно.

Уже студентом я обнаружил в городе мастерскую, которая делала орденские планки, и заказал их для отца и для дяди. Планки отец принял и стал носить, а дядя, кажется, был даже польщен, что племянник помнит не просто о нем, а даже об этой стороне его жизни. Но... планки отец с пиджака на пиджак не пересаживал. Пиджак из выходного становился повседневным, а планки оставались на нем, а потом с этими планками отец работал в поле на пасеке, а на новом, выходном пиджаке – ничего. Как у тыловики...

После лечения в госпитале в Армении отец был инженером 241-го гвардейского стрелкового полка 75-й гвардейской стрелковой дивизии. Это я знаю. Но стыдно сказать, я даже не знаю, за что отца наградили одним из орденов Отечественной войны, при каких обстоятельствах он получил осколочное ранение в лицо, и в каком бою ему прострелили навывлет руку.

И чтобы закончить с орденами, расскажу еще об одном ордене отца, тем более что интересно сравнить отца в начале

войны с отцом в конце ее.

Он вместе с десятком саперов на рассвете вел разведку дороги, по которой должен был идти его полк. Наткнулись на немецкие противотанковые мины, саперы начали их снимать и тут заметили немецкую засаду, которая состояла из двух танков, тщательно замаскированных в саду придорожного хутора. Танкисты, судя по всему, спали в тепле на хуторе, а немецкого часового саперы обнаружили у дороги. Эта засада, конечно, не дело саперов, но и отец уже был не тот, что в 1941-м. Он приказал двум саперам, зайдя с тыла, заложить под гусеницы танков немецкие же мины и замаскировать их.

Затем расположил саперов со стороны, с которой танки прикрывали строения хутора, и приказал открыть огонь по часовому и по окнам хутора из карабинов. Немцы вскочили по тревоге, и их танкисты бросились к танкам, а так как из танков не было видно атакующих, то они попытались вывести машины из сада. Оба танка подорвались на минах, немцы, бросив машины, отошли. Отец таким образом ликвидировал засаду и захватил два танка. Он и саперы были награждены. Да, это уже не бег в атаку с наганом без барабана. Тут уже и хладнокровие, и расчет.

Как на войне

Я честно пытался расспросить отца о войне побольше, и не моя вина, что отцу больше вспоминалось о каких-то нелепых случаях, трагических в своей нелепости. Наверное, из этих случаев и состоит война, где сама жизнь – это несчастливый случай.

У отца в батальоне был товарищ, офицер-земляк. Этот товарищ нарушил инструкцию по установке минного поля, которую все нарушали. Но... нагромождение нелепиц, и погибли несколько солдат. Товарища судили, а поскольку штрафного батальона в их армии не было, то его отправили рядовым на передовую. Отец начал его оттуда вытаскивать. Для этого он, мотивируя свои просьбы отсутствием офицеров-саперов, выпрашивал его с передовой для производства важных саперных работ, за исполнение которых товарищ получал благодарности от командования. После нескольких благодарностей с товарища отца сняли судимость и восстановили ему звание.

Обрадованные приятели вечером укрылись в каменном доме и отпраздновали возвращение. В комнате была одна кровать, и хотя отец был старшим по званию и должности, но, учитывая окопную жизнь своего друга, он положил его спать на кровать, а сам лег спать на полу под стенкою. Ночью в эту стену ударил снаряд. Стена выдержала, но с внутрен-

ней стороны от нее откололся кирпич, пролетел над спящим отцом и разmozжил голову его приятелю, спящему на кровати. Судьба...

Или вот как отец получил неожиданный однодневный отпуск. Готовилось наступление, и отец получил приказ построить дивизионный командный пункт поближе к противнику. Саперы за ночь построили его на ничейной земле, замаскировали со стороны немцев. Утром отец доложил о готовности комдиву, тот пообещал через час прийти и лично осмотреть свое будущее рабочее место. Опережая его, отец добрался до КП и обнаружил, что саперы его не подвели, пункт построен добротно, они даже поставили на входе прочную дверь. Но на КП толпилось много народу, кроме офицеров, там же прятались от редкого обстрела немцев ординарцы и связные. Отец всех лишних выгнал на улицу в открытые щели. Раздался взрыв, отец потерял сознание, а когда очнулся, то обнаружил, что он чем-то придавлен и зажат, но руки и ноги у него целы. Он стал звать на помощь, прибежали ординарцы и освободили его – единственно живого, – все остальные офицеры на командном пункте были убиты.

Оказалось, что утром наш артиллерийский наблюдатель засек на нейтралке новую точку и решил, что это немцы что-то построили. Решил на всякий случай пристреляться, дал команду на гаубичную батарею, и первый же снаряд упал перед порогом КП. Сорванная взрывом дверь зажала отца в углу, но и прикрыла его от взрывной волны, чем спасла жизнь.

Он с ординарцем побежал докладывать о случившемся комдиву. Но теперь их заметил немецкий наблюдатель. Сзади их взорвалась мина, и отец с ординарцем залегли за стенкой разрушенного сарая. Следующая мина разорвалась впереди. Отец понял, что они в «вилке», что сейчас немецкий минометчик уменьшает прицел на половину разницы с прицелом первого выстрела. Надо было бежать, но ординарец стал упрашивать его остаться под стенкой, ведь вторая мина разорвалась именно там, куда им надо было бежать. Отец рванул из-под стенки один и через несколько секунд, услышав вой падающей мины, упал. Мина взорвалась на том месте, где он только что лежал. Ординарец был убит. Отец забежал в блиндаж командира дивизии, а блиндаж для комдива его саперы строили очень прочно – в шесть накатов бревен. Не успел он начать доклад, как точно на блиндаж упал немецкий снаряд очень крупного калибра. Пять накатов взрывом снесло. Когда присутствующие в блиндаже поднялись с пола и стряхнули землю, отец попытался продолжить рапорт, но комдив махнул рукой: «За тобой сегодня, Мухин, смерть охотится, иди в тыл и на передовой сегодня не появляйся».

Прошу отца рассказать что-нибудь о штурме Берлина. Он подумал, но опять рассказал о солдатской судьбе. Перед штурмом их дивизия была построена, и перед ней выступил командующий их армией. Генерал сказал прочувствованную речь о последнем бое в этой войне, о неизбежности жертв, о

том, что Родина не забудет ни погибших, ни их семьи. Спросил, есть ли вопросы. Вопросов вроде не должно было быть после такой речи, но стоящий на левом фланге плюгавый солдатик вдруг спросил:

– Товарищ генерал, почему нам говорят, что водки полагается 100 грамм, а начинает старшина делить, так и по 50 не выходит?

Генерал подумал и ответил:

– Представь, что на правом фланге солдату дали в руки сосульку и сказали передать тебе через других солдат. Пока она к тебе дойдет, что от нее останется? Водка приходит на фронт. Там она никому не полагается, но все в тылу фронта ее пьют. Из фронта она поступает в армию. В армии водка тоже никому не положена, но и там ее все пьют. Из армии водку везут в дивизию, и здесь ее все пьют, хотя она никому не положена. Так что же, по-твоему, от нее должно остаться, когда она поступает в полк к твоему старшине? – генерал повернулся к офицерам дивизии: – Кто зам по тылу?

Из строя офицеров шагнул майор и взял под козырек:

– Майор Измаил.

Генерал подошел сорвал один погон и сказал:

– Пойдете в бой рядовым. После боя рассмотрим вопрос о вашем звании.

Рассматривать вопрос не пришлось. Майор Измаил был убит в этом бою. Давайте битвой за Берлин и закончим в этой повести фронтовую часть биографии отца.

Трудяга

В 1946 г. майора Мухина демобилизовали, он вернулся в Днепропетровск и, разумеется, поступил на родной завод. Я думаю, что в это время он работал начальником цеха. Такое сочетание – ветеран завода, фронтовик, орденосец и начальник цеха – давало ему весомые шансы получить квартиру в ближайшем построенном заводом доме. Но прожив немного в бараке, отец продал все, что мог, и начал строиться, по-видимому, готовясь принять меня уже в более комфортные условия. Он купил шлакоблоки, привез песку, заготовил в яме известь. Дедушка Федор и двоюродный дед Пахом сделали всю столярку к дому, табуретки и прочее. К моему рождению дом был построен. Я не знаю, нанимал ли отец людей, строя первоначальный, малый вариант дома, но потом, когда он его достраивал, пристраивал веранду, перекрывал крышу шифером, строил летнюю кухню и сарай, он все делал только сам. Более того, он и мне передал не очень удобную черту характера – ни он, ни я не умеем работать с помощником. По нашему мнению, помощники всегда все делают не так и не то. И отец во время работы с большим трудом терпел даже разумные советы.

Тем не менее, наш дом в нашем, в основном рабочем поселке был не хуже прочих.

С начала пятидесятых начинается период, когда я уже на-

чинаю помнить отца, помнить его поведение, его поступки и достаточно уверенно могу описать его.

Самая главная черта его характера, вызывающая зависть у нас, детей, это его трудоспособность. Я даже не могу назвать это трудолюбием. Думаю, что отец и не объяснил бы смысл этого слова. Ведь слово «дыханиелюбие» – глупость, а отец всю жизнь работает, как дышит.

Естественно.

Для него нет работы, которую бы ему зазорно было делать, – лишь бы она была кому-то нужна. Никто никогда не чистил нам уборную, никого мы не нанимали ни для каких работ по двору и дому. На работу его звать не надо – он придет сам.

У меня это вызывает крайнюю зависть. Все-таки мне порой хочется отдохнуть, хочется поваляться с книжкой на диване. Отец тоже любил читать, но, по-моему, где-то внутри у него зиждилась мысль, что отдых – это просто потерянное для работы время. По нашему – братьев – единодушному мнению, нам, тогда 40—50-летним мужчинам, практически невозможно было соревноваться в физической работе с отцом, который старше нас на 30 лет. Ему тяжело, он сереет лицом, начинает задыхаться, у него замедляются движения, но если эту работу нужно сделать сегодня, то она сегодня и будет сделана, даже если мы видим массу причин, почему ее нужно перенести на завтра.

Вот я приехал в отпуск, и мы решили попилить засохшие

яблони и груши на дрова. От монотонного движения двуручной пилы через час начинает ныть рука, начинаешь чередовать руки, через полтора часа отваливаются плечи, начинаешь просить перекура.

– Кури, кури, – соглашается отец и берется за топор колоть чурбаки.

– Па, ну что же ты меня позоришь! Ну, посиди отдохни, я потом все переколю.

– Да я так отдыхаю. Пилой горизонтально двигаешь, а топором вертикально, вот и отдыхаешь. (И еще подначивает. Когда я от усталости начинаю тянуть пилу не на всю длину, говорит: «Ты до конца тяни, я же деньги за всю пилу платил, а не только за ее середину»).

Когда у нас с женой вдали от дома, в Казахстане, родился сын, мы попали в трудное положение. И я, и она – самые младшие в своих семьях. У нас не было даже минимального опыта обращения с маленькими детьми. А тут настала осень, на только что взятом под дачу участке земли уродился богатый урожай овощей, – голова кругом шла. И я попросил родителей, тогда уже пенсионеров, приехать помочь. Конечно, из экономии они сели на поезд и через 4 дня пути были у нас. Мы смогли с женой хоть в кино сходить. Отец упрекнул меня за отсутствие туалета на моем садовом участке, а в степи – это первое строение, которое строится на даче. И, конечно, взялся его немедленно выкопать. Земля же на даче была целинная: под 20 сантиметрами очень твердого черно-

зема, лежал плотный, как камень, слой глины. Мы договорились назавтра копать вдвоем, а поскольку я работал, то вечером. Но как же – станет отец меня ждать! В обед позвонила жена и сказала, что отец, оббежав утром весь город и сделав необходимые покупки, ходил, ходил по квартире, а потом, не выдержав, уехал на дачу. Дача у меня в 20 минутах хода от работы, и когда я прямо с завода побежал туда, уже было поздно. Отец копошился на дне глубочайшей, метра три, ямы строгой прямоугольной формы.

– Па, ты что, нефть ищешь или бомбоубежище строишь? Ведь если я даже всех дачников буду сюда приглашать оправляться, то она и через 10 лет не заполнится!

– Я узнал, что у вас глубина промерзания 2 метра, а подвала у тебя нет и картошку тебе хранить негде. Так мы часть картошки сюда сложим, все равно тебе зимой туалет здесь не нужен, а весной ты ее откопаешь, и яму потом используешь уже по назначению.

В последнее время мы с братьями уже побаивались в присутствии отца упоминать о какой-либо работе, поскольку, узнав о наличии работы, он немедленно обдумает, как ее сделать самым дешевым (а следовательно, – самым тяжелым для себя) путем и тут же за нее примется.

Наше поколение бредит отдыхом, в этом деле мы уже перешли грань маразма, получается, что вся цель нашей жизни – отдохнуть. Хотя ведь если задуматься – то от чего отдыхать? Что такое отдых? Как-то на каникулах я был в сту-

денческом стройотряде, и, заработав немного лишних денег, мы с ребятами махнули в Крым и там дней 10 позагорали. После Крыма я поехал в село к бабушке и дедушке. Поужинали, старики с нетерпением ждут от меня любых новостей – что делал, где был и т. д. Говорю, что строил дома под Новомосковском, что чертов прораб нас обманул при расчете и прочее. Это старики понимают, это обычное дело. Потом рассказываю, отдыхал в Крыму. Что такое «отдыхал» им, в общем, понятно, но почему в Крыму и как именно? Ну, как отдыхают – лежал в плавках на горячем песке под солнцем, загорал. И вижу в глазах стариков жалость ко мне, как к придурку.

Начинаю понимать, в чем дело. Представьте себя на их месте – все лето в поле под ярчайшим солнцем и на жаре. Все всегда одеты, а у женщин даже лица закутаны белыми платками – чтобы не обгореть. Представьте, что вы им предложите после работы в поле «отдохнуть» таким образом – лечь голым на земле под солнцем. Что они о вас подумают?

Так вот об отце. Мой отец за всю свою жизнь не только никогда не был в санатории или пансионате, но и пока он не вышел на пенсию, он никогда в жизни не был в отпуске. Пока было можно, он брал за отпуск компенсацию, а потом, когда это уже запрещалось, то получал отпускные и уходил в отпуск, а на второй день его отзывали из отпуска по его просьбе. Если читающий эти строки вдруг подумает, что мой отец был несчастным, то пусть сразу же пожалеет и себя – дебила.

Больше оснований. Поскольку мой отец брал от жизни самое дорогое и лакомое блюдо – удовольствие от своей полезности людям.

Когда стало подходить время его пенсии, выяснилось, что его 140 руб. оклада старшего мастера обеспечивают пенсию чуть выше минимума. А ведь ветеран завода почти с 50-летним стажем, фронтовик, орденосец. Казалось бы, мог бы походить по инстанциям, потрясти медалями, чего-нибудь добиться. Нет. В 58 лет он переходит работать слесарем-сборщиком и работает еще 4 года, следя, чтобы его заработок не падал ниже 240 руб., обеспечивавших тогда максимум пенсии для нормальных людей. Двух лет хватало, но я думаю, он работал и после 60 лет потому, что не знал, что на пенсии делать. Но тут, кстати, помог сват, заядлый пчеловод. И отец занялся пчелами, довольно хлопотливым, хотя интересным и, по тем временам, прибыльным делом. Естественно, что практически все он делал сам, и было время, когда его успехи были отличными. Лет 15 он их держал, пока болезнь пчел – варратоз, – свирепствовавшая по всему Союзу, не доконала и его.

После того как несколько лет подряд пчелы не выходили из зимовки, сдался и он. Но пчелы – это, в основном, летом. А зимой он обычно нанимался сторожем на автостоянке. Я как-то высказал по этому поводу свое недоумение маме: неужели денег в обрез? Но она успокоила: «Чего ему, мужчине, целыми днями возле моей юбки сидеть. Там он с

мужичками где поговорит, где немного выпьет – все проветрится».

Отец никогда на услуги к людям не напрашивается, но когда такая потребность возникает, то он воспринимает ее как долг, не задумываясь.

Ну, скажем, к нам неожиданно приезжает майор, переведенный из Германии в Днепропетровск, с запиской. В этой записке брат Гена, который служил в это время в ГДР, нетвердой рукой просит отца помочь майору найти временную квартиру. Совершенно очевидно, что записка написана братом на проводах этого майора в веселом состоянии от щедрот душевных. Наш отец никогда и никакого отношения не имел к квартирам, можно было бы без ущерба чести отказаться. Но нет! Отец начинает метаться по знакомым, узнавать, выпрашивать, пока не заселяет майора. Потом майор получает свою квартиру. Казалось бы – все, но опять нет! Прихожу из института, какие-то свои дела есть, а отец дает команду брать инструмент и ехать к черту на кулички вставлять замок во входную дверь квартиры этого майора. То, что майор мог бы и сам уметь выполнить эту пустячную операцию, отца не волнует, попросил человек – надо помочь.

Или, скажем, соседу-попу разбили окно. Он жалуется отцу. Ну, что здесь такого, разбили – пусть купит стекло и вставит. Нет! Отец моментально вспоминает, что у нас на чердаке есть запасные стекла, есть стеклорез, а я умею им пользоваться. Моментально команда – и я иду к отцу Анатолию,

который не намного старше меня, стеклить окно.

Просьбы людей к нему о помощи отец воспринимает автоматически, и они ему уже не дают покоя, а он часто не дает покоя и нам, братьям. За что мы ему благодарны, хотя и ворчим, и огрызаемся. Правда, он и сам, бывает, ругается и брюзжит на просящих, но дело делает, и они это знают. Может быть, и поэтому он чуть ли не до 90 лет был председателем квартального комитета. Мы посмеиваемся – ну неужели в поселке не нашлось пацана помоложе, ну, хотя бы лет 70? Есть, конечно, но такого, чтобы нес бесплатную общественную нагрузку и не ныл, такого, может, и нет.

То, что отец вывесил на заборе объявление, что он принимает посетителей только в четверг, людей мало трогает. Они идут, когда им надо, отец ругается, но не отказывает. Это его жизнь.

Благородство

Из тех черт, которые у отца не бросаются в глаза, но являются его органическим свойством, я бы назвал гордость. Мой отец очень гордый человек.

Но это не гордость аристократа крови, это гордость аристократа духа. Может быть, со мною не согласятся, что человек, легко идущий на помощь другим, в любой работе может считаться гордецом. Но это так. Это гордость абсолютно взрослого, без малейшей инфантильности человека, способного все необходимое сделать самому и без малейшего ущерба для самолюбия отказаться оттого, что он считает излишеством или мало необходимым. Это очень чувствуется людьми.

Наверное, я знаю не более десятка человек, которые обращались к отцу на «ты». Его сват (тесть брата Валеры) – его сверстник, научивший отца пчеловодству и лет 15 вместе с ним проводивший каждое лето на пасеке, на «ты» его не называл. Но, правда, на его «Игнат Федорович» следовало такое же «Дмитрий Архипович» и, естественно, «вы». При всей открытости отца люди чувствуют в нем что-то такое, что не допускает расхлябанности или панибратства в отношениях.

При этом он никогда и никому в отношении себя не делает замечания, и дело даже не в том, что в этом не быва-

ет необходимости. Сделать замечание ему гордость не позволит.

Вот интересный пример, как отец бросил курить. Он курил всю войну и курил, как я сейчас, – много. Когда он еще не построил дом, то жил с семьей в бараке. В то время папиросы были дефицитом, нужно было покупать табак, покупать папиросные гильзы, специальную машинку и самому набивать папиросы. У отца все это было, и он все это делал. А у его соседа по бараку – нет. Наглый сосед повадился ходить к отцу через 15 минут просить закурить. На Западе такого типа можно послать подальше, но в России отказать человеку закурить невозможно. Когда нахал в очередной раз приперся к отцу, отец сложил в коробку табак, гильзы и папиросы и на глазах наглеца, все это бросил в печку. Нахалу все стало ясно, а отец бросил курить. (У меня, к сожалению, такого соседа до сих пор нет. А может, нет характера отца.) Заметьте – отец не унизился до того, чтобы стыдить соседа.

Я думаю, что люди всегда чувствовали это в отце. В доме у нас была только вода, баньки не было. Летом спасал душ, но в холодное время с мытьем были трудности. Когда я вырос из корыта, встал вопрос, где мыться. До бани было и далеко, и неудобно добираться, хотя студентом пришлось перейти на баню. А школьниками мы по субботам через забор бегали в душевое отделение стоящей рядом лакокрасочной фабрики. Кроме этого иногда, когда это было удобно, отец проводил меня на завод, в душевое отделение своего цеха. Отец в это

время работал старшим мастером. Однажды, когда я стоял под душем, ввалилось несколько рабочих. Моясь и не зная, кто с ними моется рядом, они ругали отца, который, надо думать, заставил их делать то, что им не очень хотелось. При этом они употребляли запомнившееся автору словосочетание «е... офицер». Но отец снял погоны лет за 25 до этого и, как я писал, на этот момент не носил даже орденских планок.

Следовательно, было в нем что-то такое, что воспринимается людьми, как право командовать, как безусловное старшинство.

Кстати, о своих производственных проблемах отец никогда не рассказывал. Я уверен, что он был начальником цеха, но я не помню, когда и как его понизили в должности, это не было чем-то таким, что им, а значит и семьей, должно было восприняться как крупная неприятность. Вот когда он потерял свинью, он переживал это сильно; все-таки по своей вине нанес сильный ущерб семье. Мама его успокаивала.

Дело в том, что в те годы довольно часто к Новому году отец или сам, или пополам с кем-то покупал живую свинью. Живую потому, что покупались свиньи там, где дешевле, где-то под Полтавой, а время их убоя подгадывалось под более-менее установившиеся морозы. И вот в году 52—53-м, когда он вез домой на грузовой машине свинью, подлая развязалась и где-то по пути сбежала. Правда, отец заявил в милицию, и милиция через пару дней свинью отыскала. Но сам факт своей халатности отец сильно переживал.

(Кстати, интересный штрих к тому, какая была милиция при Берии. Стала бы сегодня милиция двух областей искать и возвращать хозяину сбежавшую свинью?)

А неприятности личной карьеры остались незамеченными. Я думаю, они сложились из нескольких обстоятельств. Во-первых, отец был чистый практик без намека на какое-либо законченное техническое образование. Его умение ставить минные поля и взрывать мосты на заводе точного машиностроения уже было без необходимости. Во-вторых, одно время на заводе был директор «новая метла», при котором все кадры были поставлены с ног на голову.

Кстати, мой троюродный брат в это время за 3 года сделал бешеную карьеру – из токаря в заместители директора завода. Правда, с той должности он уволился и стал работать плотником. А отец в моей памяти все время был старшим мастером. Это такие цеховые рабочие лошадки, на которых держится производственный процесс.

Так же независимо отец держится со всеми и, строго говоря, это фамильная черта. Вспоминаю, как-то поздней осенью мы с отцом поехали на грузовой машине в Николаевку навестить бабушку с дедушкой. (Завод отца помимо бумагоделательных машин выпускал для армии спецавтомобили. Шасси для этих автомобилей приходили с автозаводов, а спецкузова делали в номерном цехе завода. Эти автомобили перед поставкой в армию должны были пройти обкатку 600 км, поэтому проблем с выпиской автомобиля на нашем

заводе не было. Шоферы-гонщики и так должны были проехать по дорогам эти 600 км.)

Приехали вечером. Бабушка начала жарить яичницу с салом, а мы с дедушкой пошли осматривать, что и как во дворе. В сарае обратили внимание, что уголь есть, но дров, при помощи которых разжигается уголь, нет. Дедушка, между прочим, посетовал, что его обманули – обещали привезти дров, но не привезли. Никаких комментариев со стороны отца не последовало, и вопрос в этот день больше не поднимался. Через пару дней вечером отец подъехал к нашему дому на грузовой машине, кузов которой доверху был завален обрезками леса модельного цеха завода. Отец забежал предупредить маму, что везет дрова дедушке, а я уже сделал уроки и напросился с ним. Подъехали ко двору дедушки вечером, никого дома не оказалось, мы сбросили дрова, завалив ими весь двор. Подошел дядя Гриша, живший по соседству, и заметил, что дров для стариков слишком много и что, пожалуй, он заберет у них половину. Отец ему высказал, что он, любимый зять, мог бы сам обеспечить стариков дровами, а не уполовинивать их. Но, конечно, мы знали, что дядя Гриша дрова все-таки уполовинит. Подошли дедушка с бабушкой, открыли хату, пригласили в дом. Бабушка занялась яичницей с салом, было видно, что старики довольны, но ни слова о дровах не последовало. Старшие выпили, закусили, надо было ехать обратно. Дедушка вроде невзначай спросил, сколько стоят дрова. Отец лаконично ответил, что нисколь-

ко.

Встали из-за стола, стали прощаться, бабушка поблагодарила отца и шофера за дрова, а дедушка вынул затертое кожаное портмоне, извлек из него две синенькие пятерки и дал мне на подарок. (А это было очень много для подарка. Я купил потом на них фотоаппарат.) Отец смолчал – не мог же он запретить своему отцу делать богатые подарки внукам. Мне нравилось их внутреннее достоинство и гордость: дед не просил сына везти дрова, но наверняка знал, что, увидев пустой сарай, тот купит и привезет. Сын не взял денег у родителей за жизненно важную помощь. А деду гордость не позволила принять помощь в деле, которое, по его мнению, он должен сделать сам. Он предпочел отдать деньги кому угодно, но не ронять свое достоинство, и даже не перед людьми, а в своих глазах.

В связи с тем бредом, который сейчас овладел нашей прессой, с искажением всего смысла служения Родине, мне вспомнилась реакция отца на вроде естественный сегодня вопрос. Пацаном я прочел книжку о немецких концлагерях, о наших пленных там, о подпольных организациях, об их сопротивлении немцам.

По книге эти пленные были героями, и мне подумалось, дурачку, – а вдруг и мой отец был в плену и был таким же героем. Я спросил его об этом и до сих пор помню его реакцию: «Никогда!» При этом было явно видно, что отец обижен и оскорблен самой мыслью о том, что он мог сдаться в плен.

Да, у наших отцов сдача в плен подвигом не считалась...

Я уверен, что отец доволен своей жизнью – жизнью мужественного настоящего человека. Но надо сказать, что уж его-то жизнь показала ему себя во всем цвете, показала ему все. И все, что жизнь ему ни преподносила, он воспринимал как мужчина, без малейшей паники.

Держать удары

В конце пятидесятых мама заболела раком легких. Ей вырезали одно легкое, она лежала в больнице. Отец и старший брат, который уже работал на нашем заводе токарем, крутились по дому, ездили к маме в больницу. Наверное, у меня все-таки было что-то, чего я не понимаю, но что врачи называют нервным потрясением, потому что у меня все нижеописываемые события в мальчишеском мозгу связываются с первой полученной двойкой. Я помню, что шел домой, не представляя, как я скажу отцу об этой двойке, и мне очень хотелось заболеть, чтобы отец стал волноваться, чтобы он забыл спросить об оценках. И я заболел. Может, я уже до этого был простужен, но факт есть факт – я заболел.

Придя с работы и увидев меня больным, отец, конечно, не спросил про оценки. На другой день, когда старшие были на работе, я лежал у окна и мне была видна калитка в наш двор. Совершенно неожиданно она открылась, и во двор вошла мама. Была осень, холодно, а она была в шлепанцах и в больничном халате. Она зашла в дом, плакала и целовала меня, говоря, что ее отпустили из больницы проведать меня. Потом вышла из дома и заперла на замок дверь за собой. Но... со двора она не вышла. Я метался от двери к окну и ничего не мог понять. Когда отец пришел в свой обеденный перерыв кормить меня, я сразу же сказал ему, что мама при-

шла и где-то во дворе.

Отец выскочил из дома, через минуту – со двора... Прибежали соседи, приехала «скорая», во дворе ходили какие-то люди, меня оторвали от окна, поили какой-то остропахнувшей жидкостью, появилась моя школьная учительница, а с ней мужчина с петлицами на пиджаке, они меня расспрашивали, мужчина записывал мои ответы, во дворе и в доме по-прежнему было много людей, но мне никто ничего не объяснял, я ничего не мог понять...

(Услышав от меня, что его больная раком жена неожиданно пришла из больницы и сейчас где-то во дворе, отец, конечно, все понял. Заскочив в сарай, он подвернувшись под руку топором рубанул по потолочной балке, которую обвила наша такая красивая, с синими прядями, бельевая веревка. Снял петлю с маминой шеи, но изменить уже ничего не мог.)

Мама оставила записку, но следователь прокуратуры – а это он опрашивал меня в присутствии учительницы – забрал ее с собой.

Потом были похороны, последний поцелуй над могилой холодных и твердых, как лед маминых губ.

Похороны запомнились огромным количеством детей – ведь мама была учительницей, а в то время учителя не выпрашивали себе уважения. Надо сказать, что очень долго я оставался в глазах людей скорее всего маминым сыном и именно потому, что она была учительницей. И десяток лет спустя люди, мне незнакомые, оказывали помощь, как толь-

ко узнавали, что я сын Любви Михайловны.

Такой был забавный случай. В соседнем, соперничающем с нашим, районе я подростком нечаянно наткнулся на группу ребят, выявивших явное желание набить мне физиономию. Они уже, было, приступили к забаве, но вдруг их вожак, достаточно взрослый парень, присмотревшись ко мне, спросил о том, чей я сын. А убедившись, что догадался правильно, он укротил компанию, не дал ей поиздеваться над сыном своей бывшей учительницы.

Интересный случай рассказала Света – жена моего брата. Она заведовала здравпунктом на фабрике, и к ним явилась с проверкой высокая медицинская комиссия. И вдруг профессор мединститута, член комиссии, спросил ее – не родственница ли она Мухиной Любви Михайловны? Света ответила, что она жена ее старшего сына.

Профессор оказался учеником мамы и рассказал историю, буквально совпадающую со сценарием фильма «Уроки французского». Мама преподавала биологию и географию, время было послевоенное, в классах сплошь сироты, голодные. И выбрав пару особенно изможденных, мама начинала придирается к ним и ставила двойки. А затем требовала, чтобы они ждали ее и шли к нам домой на дополнительные занятия. Дома начинали с того, что мама садилась обедать и их сажала с собой. (В фильме мальчик красиво и гордо отказывается, но жизнь не такая красивая, как в кино. Дети ели.) После чего проводила с ними короткое занятие и отпускала.

То, как круто мама закончила счеты с жизнью, не захотев умирать медленно, по-видимому, сильно потрясло меня. Тогда я этого не заметил и лишь десятки лет спустя обратил внимание, что я абсолютно не помню маму. Абсолютно. Она как бы стерлась в памяти. Я помню тысячи мельчайших подробностей детской жизни, эпизоды из детского садика, из различных поездок, я сейчас без фотографии помню лицо первой учительницы. А маму – нет. То есть я знаю, как она выглядела, у нас есть фотографии. Фотографии я помню, а ее саму в жизни – нет. Вспоминаю эпизоды из жизни, массу подробностей, отца, родственников, знакомых. Где-то здесь в воспоминаниях должна быть и мама, но ее нет. Гладкий шелк ее платья и... все. Я помню ее учительский портфель, две защелки на нем, коричневую кожу и блестящую стальную планочку, удерживающую изнутри потертую ручку.

Портфель помню, но маму с портфелем в руках – нет. По мне, пацану, заготовке человеческой, это событие так прошло. А каково же было отцу?

Какое-то время мы жили втроем, хотя я почему-то слабо помню в этот период брата. Помню, что отец, бывало, приходил поздно, разыскивал меня у соседей по улице. (После смерти мамы я боялся оставаться один в пустом доме и убегал к соседям.) Сказать, что мне тогда было как-то особенно тяжело, что я был очень несчастен, не могу. Да, по-видимому, и период этот был невелик.

Жена

Вскоре отец привел мне новую маму и брата, а себе жену и нового сына Валеру, который был старше меня на 4 года. Моя новая мама была вдовой, отец Валеры, тоже фронтовик, довольно скоро после войны умер от старых ран.

Рассказывать об отце, не упоминая о его и моей жизни с этой мамой, невозможно. Они прожили вместе 47 лет и истинно составляли одно целое. Достаточно сказать, что за это время никто и никогда не слышал не только об их спорах, но даже о размолвках. Я не помню, чтобы в разговорах друг с другом они повысили голос хотя бы на полтона, хотя, повторяю, что мой отец далеко не флегматик.

Придя к нам в дом, мама (по-другому называть ее у меня язык не поворачивается) сразу же оставила свою работу секретаря-машинистки. Оставила ради меня. Чтобы не возвращаться мне со школы в холодный дом. Если говорить, что мой отец может и умеет сделать любую мужскую работу (да и женскую тоже), то мама, безусловно, знает всю женскую, благодаря ей кое-что из этой области знаю и я.

В нашем доме всегда было чисто и аккуратно, в этом смысле мама была педант, и это незаметно вошло в меня.

Я не терплю ничего валяющегося на полу, даже если кто-то утверждает, что это не валяется, а лежит. Мне непереносимо видеть, когда на постели лежат в одежде. Я твердо знаю,

что вещь, взятая в одном месте, должна быть в то же место положена. И знаю, что это не придурь – потеря времени на поиск этой вещи во много раз перекрывает его потерю на восстановление порядка.

До тех пор, пока я не уехал из дома 24 лет, я никогда в жизни не видел таракана, клопа или вши. Это притом, что у нас не было в доме ни ванны, ни горячей воды.

То, что мама несколько лет не работала, было существенной потерей для бюджета семьи, но до тех пор, пока я не стал достаточно взрослым, чтобы, придя со школы, самому нарубить дров, наколоть угля, затопить плиту и разогреть себе еду, мама сидела со мной дома. Потом она вернулась на прежнее место работы, внося в семейный доход и свои 68 руб.

Мама – министр финансов семьи, она несла на себе ответственность за трату денег. Можно сказать, что отец никогда денег не имел, все они были у мамы, и поскольку Валера все-таки ее родной сын, то это порой приводило к различным обидам, в том числе и моим. Мне надо было начать самому зарабатывать, жениться, заиметь детей, чтобы понять, насколько мой отец был прав, передав деньги маме. Я утверждаю, что если денег в семье не хватает (а у кого их хватает?), то тратить деньги гораздо тяжелее, чем их зарабатывать. У нас в семье их тратила мама. Правда, все же большинство их проходило через руки отца. Дело в том, что было общепризнано, что папа более умело делает покупки. Поэто-

му, когда их надо было делать, мама, не считая денег, вручала папе кошелек и говорила, какие вещи или продукты она хотела бы видеть, а отец шел их покупать.

Возвращаясь, он отдавал маме продукты, как правило, без замечаний с ее стороны, и кошелек, который мама прятала без ревизии. Крупные покупки они, конечно, делали сообща и советуясь. Но деньги были в распоряжении у мамы, и надо сказать, что пользовалась она ими сверхразумно.

Доход семьи был невелик. Отец имел оклад 140 руб., вместе с мамиными деньгами всего набегало около 210. Гена служил, и на четверых (родители да мы с Валерой) и даже на троих – после призыва и Валеры на службу – это было немного. Достаточно сказать, что, когда я поступил в институт, мне потребовалась справка о душевом доходе, так как превышение его свыше 110 рублей лишало права на стипендию. Стипендия мне полагалась. После, правда, я стал отличником и доход уже не имел значения, но важен факт того, что доход ниже 110 рублей на человека обуславливал такую помощь государства.

Тем не менее, телевизор в нашем доме появился очень рано, раньше, чем у большинства соседей, холодильник – тоже. Я долго упрашивал, пока наконец склонил маму на покупку радиолы, а потом обижался, что она не дает денег на пластинки. Не было у нас автомобиля, но никто из нас по этому поводу не страдал.

Карманными деньгами нас с Валерой не баловали, в шко-

ле на обед 10, а потом 15 коп. – и все. Редко на что-то другое, да когда Валера стал взрослым, то рубль по субботам – на танцы. Мы с Валерой как-то пытались уличить маму в скупости и долго пересчитывали варианты использования семейного бюджета, но все время оказывались в таких диких убытках, что переставали понимать, откуда мама вообще берет деньги. Умножение обычных цен на продукты на скромный их расход давало сумму, почти равную заработкам родителей. А одежда?

Только потом я догадался, в чем дело. В семье не было никаких лишних расходов, вся одежда всегда штопалась, подправлялась. А что касается еды, то мама здесь виртуоз.

Мне приходилось писать, что я был во многих странах, но не туристом, а по делу. И в тех странах (как и у нас) как только торговый партнер сходит на землю в аэропорту, в принимающей тебя фирме включается счетчик представительских расходов, списываемых на себестоимость. За любое посещение ресторана платит принимающая фирма. Неопытные, мы сначала этого не понимали и думали, что фирмачи угощают нас от щедрот душевных. И, естественно, пытались из своих жалких командировочных устроить им ответное посещение ресторана. Но однажды мы оплатили посещение ресторана, а фирмачи заметили, что мы не взяли счет, и один из них, не стесняясь, вернулся, забрал его у официанта и положил себе в карман. До нас дошло, что стоимость ужина он истребует у своей фирмы себе лично, хотя заплатили за него мы, т. е. мы

занимаемся глупостями. У крупной фирмы представительские расходы велики и ей, в принципе, все равно, в дорогом вы были ресторане или дешевом. Представил сотрудник счет и объяснение, что ужин был с партнерами, – и порядок.

Поэтому наш приезд дает возможность фирмачам посетить такие дорогие заведения, которые без нас никто из них посетить не в состоянии – зарплаты не хватит. Думаю, что все эти рестораны и существуют в основном за счет таких представительских ужинов.

Я не считаю, что у наших людей в еде плебейские вкусы, как это думают многие, что низка наша культура еды, – это наша еда и наша культура. Они другие – и только. И с точки зрения наших привычек к еде, например, в Германии, нас больше всего устраивала бы, скажем, тушеная кислая капуста с сосисками и кровяными колбасками или вареная картошечка с селедкой. Все это есть в Германии и очень хорошего качества. Но на нашу беду – это пища очень дешевых ресторанов и пивных. И тут мы попадаем в двойственную ситуацию. Конечно, если мы настоим, то фирмачи поведут нас и на сосиски в пивную, но как им потом отчитаться перед начальством в случае неуспеха или недостаточного успеха коммерческих переговоров, как им объяснить, почему они нас кормили в забегаловках? С другой стороны, эти люди, может быть, полгода ждали нашего приезда, чтобы пойти с нами в самый дорогой ресторан и потом рассказывать друзьям, какой вкус имел королевский лангуст в самом фешене-

бельном заведении города. И, конечно, не сбросишь со счетов и нормальное радушие хозяев.

В результате получилось, что автор ел пищу, возможно, лучших поваров мира, порой в обстановке, когда только тебе прислуживают два официанта сразу, чтобы тебя, упаси Господь, ничто не отвлекло от смакования супа, которым ты должен восхищаться, но который, тем не менее, видом, а может, и вкусом очень смахивает на супы нашего детского питания. Короче говоря, я думаю, что ел, конечно, не все, но достаточно много из того, что в мире считается очень вкусным, и готовилось это поварами, искусство которых своими автографами подтверждали известные писатели и президенты – бывшие посетители этих ресторанов.

Должен сказать, что из всего, что пробовал, в памяти не осталось ничего, что можно было бы искренне похвалить. Или очень и очень мало – скажем, некоторые салаты, итальянские макароны или устрицы. Да и то, если бы мне вдруг за этой пищей пришлось стоять 10 минут в очереди, я бы не стал спрашивать, кто крайний.

Я сделал это отступление только потому, чтобы читатель понял, что в вопросах еды, ее качества и вкуса автору есть что вспомнить, есть что перебрать в памяти. Тем не менее вкуснее, чем у мамы, я не ел. Она готовила и готовит просто великолепно, даже если сравнивать ее с женщинами ее поколения.

Потом, когда мне пришлось питаться в столовых, я всегда

с содроганием удивлялся, как люди могут съесть полную тарелку пойла, которое по дикому недоразумению называется борщом. И как они могут есть это, непонятно жареное или вареное, что кличут в зависимости от фантазии повара то котлетой, то бифштексом. И кстати, сказать, что наши рестораны в этом плане далеко ушли от столовых, нельзя; есть, конечно, разница, но для меня она несущественна.

Я думаю, что, несмотря на то что борщ самое распространенное первое блюдо вероятно подавляющего числа граждан СССР, процент тех, кто знает действительно его вкус, незначителен.

Мало вбросить в самый качественный бульон овощи в определенной последовательности. Возле кастрюли должна еще стоять женщина с талантом и трудолюбием повара. Даже на Украине, где женщин не упрекнешь в том, что они не знают, что такое борщ, искусницы в этом деле в толпе не теряются.

Такой пример. Умер мой тесть, Кулиш Владимир Веремеевич, директор сельской школы, учивший три поколения села. Умер сравнительно не старым, едва разменяв седьмой десяток.

Само собой, что для пришедших на похороны и поминки сельчан это событие было, по крайней мере, огорчительным. Какая, казалось бы, разница в том, которая из соседок сварит борщ на поминках вдовца? Но нет – для такого неординарного случая не каждая решится варить борщ, да еще и

для людей, которые знают, что это такое. С другого конца обширного села пришла женщина, поставила на огонь четырехведерную кастрюлю и сказала: «Веремеич любил, чтобы капуста в борще была тверденькая». И как задумала, так и сделала. Я опоздал на сутки на похороны и первые поминки, но потом еще несколько дней доедал этот борщ и должен сказать – она борщ варить умеет.

Моя мама умеет варить не только борщ, на кухне она умеет все, и ей не надо специально откармливать молоком поросенка или пивом бычка, чтобы мясо получилось вкусным. У нее любое мясо будет вкусным. Возможно, качество этого мяса не даст ресторанному повару приготовить стейк или шашлык, но вкусное блюдо у моей мамы все равно будет.

Смешно сказать, но пока я не женился и не стал закупать мясо для дома, то думал, что коровье вымя стоит гораздо дороже, чем мясо. Я поразился, когда увидел, что его цена всего 40 копеек. Мама так его тушит, что мне казалось, что оно должно быть из числа деликатесных продуктов. Я, конечно, с удовольствием купил много этого продукта, и когда мы с женой в первый раз самостоятельно его приготовили, то понял, почему люди говорят, что у вымени очень неприятный запах. Что да, то да! Но дело в том, что, когда мама готовит вымя, запах-то совершенно другой, приятный!

Вот с таким министром финансов у семейного руля папе были не страшны никакие штормы все возрастающей расходной части бюджета, вызванные взрослеющими сыновья-

ми. Концы с концами сводились всегда, и мама уверенно держала корабль семьи на ровном киле.

(Правда, дядя Илларион считал, что расходы на сыновей существенно ниже. «Твоему отцу хорошо, – как-то шутливо сетовал он, – у него всего-то два сына (Гена уже жил самостоятельно), а отцу моих дочерей тяжело – у него целых две дочери!»)

Несмотря на жесткий экономический курс мамы, я не могу сказать о своем каком-то личном, подростковом безденежье, не могу сказать, что у меня не было чего-то, что мне очень хотелось бы. Даже потом, когда ценность денег стала осознаваться и связываться с возможностью владения теми или иными вещами, кое-какая мелочишка в карманах все-таки водилась постоянно. Правда, это были не только мамнины субсидии. Хотя в те годы детский труд был категорически запрещен и для нас было просто невыносимо выбегать на перекресток, чтобы помыть стекла в машинах и тем более перепродавать сигареты на базаре, кое-какие возможности заработать свежую копейку были. Для меня такой возможностью долгие годы был сбор утиля и пустых бутылок. Конечно, выручка от утиля уходила в основном на резину для рогаток, но бутылки давали неплохой доход, особенно после праздников и получек. По крайней мере, денег сначала хватало на дополнительные сладости, а потом на фотопленку и бумагу и часто – на книги. Хотя я и был записан сразу в трех библиотеках, но в покупке книг есть особое удовольствие, и,

может быть, для меня оно связано с тем, что первую такую покупку я сделал очень удачно – это был «Петр Первый» А. Толстого.

Конечно, мама – это мама, но думаю, что крепость семьи определялась все-таки отцом. Он практически не имел (если исключить пчел – это скорее заработок) увлечений. Он не охотник и не рыбак, как брат Гена. Его не увлекают никакие виды спорта, ни шахматы, ни карты, он даже на футбол не пойдет, хотя, возможно, посмотрит его по телевизору. Работа и семья – это два его увлечения. И если в это вдуматься – то очень достойные увлечения.

Сказать, что он пьет мало, будет неправильно. Он в принципе пьет столько, сколько требует данное застолье. Но у него никогда не было потребности пить. Многие десятки лет он пешком возвращался с работы, проходя мимо двух пивных. Он никогда в них не заглядывал, он никогда не организует компанию и не будет в ней участвовать, если она организуется с целью выпить. У него такой цели и никогда не было.

И если отец вдруг приходит домой с работы поздно и выпивши, то это означает, что что-то случилось. Скажем, поздно вечером он входит и по глазам видно, что он «принял». Мама удивленно поднимает брови, а отец без слов вытаскивает из кармана кусок полотна, на котором опускают гроб в могилу и которое потом режут участникам похорон. «Кто?» – спрашивает мама, и отец называет имя товарища,

с похорон которого он вернулся. Но услышать от него, что он засиделся с друзьями потому, что ему захотелось выпить – это было бы невероятным, так как этого никогда не было. При этом он не трезвенник и не ханжа.

Необходимо отметить отношение отца к родственникам. У нас много болтают о любви, в том числе к детям, к родителям и близким. К сожалению, в русском языке это понятие слишком универсально, и его применяют там, где оно не применимо. Не применимо, так как имеет альтернативу – не любить.

Это понятие вполне подходит к женщине или другу. Да, я люблю эту женщину, и слово «любовь» здесь точно описывает ситуацию. Что-то случилось, что-то в ней разонравилось, и я уже не люблю. И это понятно, и это точно. Не любишь – и духовной связи уже нет места, она оборвалась.

Но что значит «не любить» отца или мать? Они что – после этого перестают быть родителями? Ты что – свободен от связи с ними только потому, что тебе в них что-то разонравилось? По-моему, у отца в отношениях с родственниками на первом месте было и есть чувство, которое описывается не словом «любовь», а словом «долг».

Нет, конечно, как и все, он о нас – детях – или других близких скажет, что он нас любит. Но я считаю, что на самом деле главное здесь чувство долга, которое освобождает от пустопорожних умствований на тему «любишь – не любишь».

Воспитание

Поэтому у нас в семье были некоторые особенности. Скажем, за всю свою жизнь я лишь один раз был в пионерском лагере (мои дети – ни разу). Хотя думаю, что лагеря полезны и это нормальное проведение времени детьми. Но у нас в семье считалось, что раз наступили каникулы, то я обязан съездить и пожить у бабушки и дедушки. (Мои дети тоже делали это каждое лето, как ни велики были расстояния.)

Не могу сказать, что тогда лично мне это доставляло много радости. Пацаном я был уверен, что самое разумное препровождение времени на каникулах – это быть дома. В полукилометре Днепр, перед ним песчаные кучугуры, рядом огромный деревянный мост через Днепр, построенный за два месяца саперами и пленными в 1944 г. и к тому времени уже не действовавший, но служивший великолепным местом для различных детских забав – от ловли окуней до прыжков или прыжков в воду с любой высоты. Своя компания ребят, неистощимых на поиск развлечений и приключений, которые были, что правда, то правда, не всегда благовидными и одобряемыми взрослыми. Уезжать из дома очень не хотелось. Но... отец считал, что с родственниками необходимо общаться.

Когда была еще жива родная мама, то меня отвозили в Златоустовку под Кривым Рогом, к дяде и тете со стороны

мамы. Вообще-то там было интересно. Хотя это было чисто степное село, с недостатком водоемов, но зато в войну прямо через него проходила линия фронта, и это бросалось в глаза везде. Ограды дворов, выполненные колючей проволокой, натянутой порой на ржавые винтовочные стволы, кабины сгоревших автомобилей вместо привычной будки уборной, вход в погреб, оформленный артиллерийскими гильзами, в хлеву подвешенные к потолку каски, выполнявшие роль гнезд для голубей. И огромное количество пуль, гильз и целых патронов под ногами, в заросших окопах и траншеях, пулеметных гнездах. Пацану тут было очень интересно.

Потом, когда отец снова женился, мы с Валерой несколько раз ездили к его бабушке, в Гупполовку на границе с Полтавской областью. Эта бабушка жила одиноко, скорее не в селе, а на хуторе из нескольких хат. В то время там даже не было еще электричества. Но зато рядом была маленькая, вся в камышах, кристально-чистая речка. Там я, кстати, и научился плавать, причем самостоятельно, в играх на воде. Здесь было интересно и по другим причинам. Этой бабушке нужна была и помощь в многочисленных сельских работах, и я гордился тем, что делаю настоящее дело, а не играюсь.

Скажем, заготовка топлива. У этой бабушки две комнаты хаты отапливались двумя русскими печками. Углем их не протопишь, а дров на Украине мало. Топились они кизяком. И я его заготовливал.

Делалось это так. После завтрака я брал ведро, набивал

его мелкой соломой и бежал на речку. В своем месте солому высыпал, а ведро использовал для ловли вьюнов и другой мелкой рыбешки. К обеду на луг перед речкой пастух подгонял стадо, чтобы хозяйки могли его подоить. Время от времени коровы выгибали хвост и шлепали на траву лепешку. Я был тут как тут, так как нужно было опередить конкурентов, и руками собирал эту лепешку в ведро. Полное ведро тащил к своему месту, к соломе, перемешивал навоз с ней, лепил густые шары и бросал их на траву. Теперь это уже был сырой кизяк. Через пару дней, когда он подсыхал, я на тележке увозил его во двор, где он сох окончательно. Там же я впервые вязал снопы пшеницы, впервые пробовал молотить, резал сахарную свеклу и следил за производством самогона из нее. Но, к сожалению, эта бабушка скоро умерла.

Самой неинтересной была жизнь в Николаевке у родителей отца. Это очень большое и чисто степное село. До прудов очень далеко, да и они были нечищенные, в ил можно было провалиться по пояс.

Сверстников на улице почти не было, бывало откровенно скучно. Правда, дедушка тогда был школьным плотником, и у нас почти постоянно квартировали сельские учителя. Поэтому можно было терпеть, пока прочтешь все их книжки, включая и бабушкины – «Учебник Закона Божьего», изданный до революции, и обрывок какого-то писания на церковнославянском, написанный, как бабушка говорила, «с титлами». Бабушка объясняла, как его читать и что это за буквы.

Обычно папа подгадывал послать меня ко времени поспевания вишен. Дедушка в саду завел, так сказать, монокультуру. Яблоня была одна, зато вишневых деревьев штук 120. Кстати, он почему-то все деревья называл вишнями, а вишню – ягодой. Деревья эти были невысокими, метра 2, не более, но давали по ведру-полтора вишен. Вот мне и приходилось несколько дней их рвать. Никто особо не заставлял, но и лежать-то ведь не будешь, когда видишь, что бабушка взяла скамеечку, ведра и пошла в сад. Вот и приходилось дергать ягоды, проклиная эту голубиную работу, крайне неинтересную для мальчишки. Бабушка вишню сушила и сдавала в коопторг, а мне приходилось еще ведра два везти домой, где под руководством мамы шпилькой выковыривать из них косточки. Правда, в другие сезоны дедушка учил меня и молотить, и косить, но в целом жизнь в Николаевке не вызывала восторга.

Не думаю, что отец надеялся, что я всерьез освою какую-либо сельскую работу или сильно помогу старикам. Но, вероятно, он, может инстинктивно, понимал необходимость связи поколений, пользы ребенку от общения со стариками, с истинной, а не книжной мудростью. И я, кстати, думаю, что моему сыну от общения с моим отцом, а дочери – с матерью, было больше пользы, чем от общения с пионервожатой.

Поскольку воспитывают детей отцы, то следовало бы остановиться и на этом вопросе. В те времена Соломону Соловейчику еще не предоставили союзную трибуну для внед-

рения в умы родителей поганого яда околопедагогического сюсюканья, благодаря которому последующие поколения все больше и больше становились моральными уродами.

Воспитывали нас отцы так. Взрослые были взрослыми и поступали так, как считали необходимым безотносительно к тому, что об этом думают дети. Желание ребенка учитывалось только тогда, когда оно не противоречило планам взрослого.

Дети вели себя так, как от них требовали взрослые. Если дети вели себя не так, то их поправляли, если требовалось, то и ремнем.

Надо сказать, что у нас были и преимущества перед нынешними детьми – многие из нас жили не в многоэтажных домах, а на земле. С раннего детства мы не только видели, как все сажается и растет, но и сами в этом участвовали. Вокруг нас бегали собаки и кошки не для красоты и престижа, а для охраны дома и ловли мышей и крыс.

Как правило, у нас в поселке у каждого во дворе, хоть они были и маленькие, была и какая-нибудь другая живность. У нас, к примеру, если отец мог купить недорого пшеницы или кукурузы, бывали куры или утки. Уткам я собирал на болоте ряску, а когда мне захотелось кроликов, то отец их купил именно мне. Я обязан был обеспечивать их кормом, а это ведь требовало новых знаний, хотя бы о видах травы. А когда завел голубей, то это уже было только мое – от реконструкции чердака до добычи корма. (Тут, правда, мне было легче

– я ездил в село к дедушке, и тот, конечно, не отпускал меня без ведра проса или конопля.)

Мы автоматически привыкали держать в руках самый разнообразный инструмент. Начиналось с ножа, без которого не сделаешь рогатки. А что это за пацан, который не может сделать рогатку? Игрушек было маловато, и мы сами делали себе игрушечные винтовки и автоматы для игры в войну, луки, стрелы, самострелы, самопалы. (Последние, конечно, следовало делать, когда родители не видят, и тщательно от них прятать.) Мой брат сам делал сложные птичьи клетки с западками для ловли птиц, мы плели сети, и никому в голову не пришло бы покупать хоть какую рыболовную снасть – все это делалось своими руками: шлифовались кусочки латуни, заливались свинцом, точились крючки и полировались блесны.

Отец, износив подошвы и головки своих офицерских хромовых сапог, припрятал их на чердаке, полагая в будущем отремонтировать. Однако Гена порезал голенища и сшил из них покрышку к футбольному мячу. Это, конечно, одобрения не вызвало, но в целом наши отцы всегда поощряли любую нашу деятельность, требующую мозгов и рук, если она, конечно, не вредила нам и людям.

Мы, пацаны, были любознательны: если взрослые делали что-то, мы были тут как тут, даже если нас и не звали помогать. В результате наше поколение умственно было в десятки раз более развито, чем последующие. И дело даже не в том,

что мы владеем инструментом, а вид инструмента в руках нынешнего поколения чаще всего вызывает и смех, и страх за эти руки – того и гляди покалечатся.

Дело в другом. Для нас почти все в нашей многообразной жизни имеет конкретное, осязаемое значение. А для нынешнего поколения это только слова, абстракции. И когда нынешние академики, наши вонючие гайдаренки, начинают с отсутствующим взглядом вещать про экономику, про производство и себестоимость хлеба и мяса, то что они об этом знают, кроме слов? Наше поколение знало об этом много – от того, как идет окот, до того, как идет забой.

Наши отцы, воспитывая нас, одновременно стремились нас и развить. А что дают нынешнему поколению эти компьютерные игры или мультики? Убитое время для развития, убитое время для жизни. Одетые, обутые, ухоженные тупые дебилы – «20 м кишок и немного секса», как сказал один из них.

Я полагаю, что надо бы к чертам характера отца еще раз упомянуть о том, что это храбрый человек, человек, способный пренебречь опасностью для собственной жизни в случаях, когда этого требует долг. Строго говоря, я ни разу не видел его в такой ситуации, пока жил дома. Этим ситуациям при размеренном, спокойном и правильном образе жизни отца неоткуда было взяться. Но уже после моего отъезда случились два эпизода, когда мой отец, скажем прямо – уже старый человек, моментально приводил себя в боевую

ярость и действовал крайне решительно.

В один из моих приездов в отпуск мама рассказала такую историю. Они зимою, уже после смерти дедушки, поехали в Николаевку навестить бабушку. Сидели в хате, расспрашивали о том, о сем, и вдруг отец заметил на руке бабушки большой синяк. Он спросил ее, в чем дело, и бабушка заплакала: «Гришка».

Тут дело вот в чем. Бабушка с дедушкой, а тем более одна бабушка всегда, конечно, нуждались в помощи селян: привезти силос, скосить ячмень, обмолотить и прочее. Моральные нормы русского человека, а тем более истинно русского – крестьянина, не позволяют брать за такую помощь деньги. Но ведь и старикам принимать эту помощь просто так тоже не позволяли те же моральные нормы. Поэтому бабушка всегда варила самогон для угощений. Отец на заводе сделал ей великолепный аппарат из нержавеющей стали. А поскольку колхоз был свекловодческим и сахар на трудодни выдавался центнерами, то проблем с варкой напитка у бабушки не было. Но была проблема в другом. Зять Гриша все больше и больше спивался, и бабушка это сильно переживала, тем более что в чисто мухинском роду никто не имел пристрастия к спиртному.

Дядя Гриша все чаще и чаще стал околачиваться возле бабушкиной кладовой. Пока был жив дедушка, дядя Гриша не заходил дальше униженных просьб к теще. Но после его смерти защитить бабушку стало некому. И синяк на ее руке

прямо на это указал отцу.

Отец вскочил и бросился на улицу, даже не одевшись. Мама бросилась за ним, пытаясь успокоить.

Но до хаты дяди Гриши расстояние было слишком небольшим, чтобы у отца было время обратить внимание на слова мамы. Он ворвался в дом к дяде Грише. Тот стоял между входом и топящейся плитой. Отец, не говоря ни слова, подхватил его за пояс и бросил на плиту, а затем захватил шею зятя и начал душить. Мама и тетя Мария схватили отца за руки, пытаясь их развести, так как дядя Гриша начал уже хрипеть и синеть. Добавлю, что дядя Гриша и сидел неудобно – на раскаленной плите, правда, его зад спасли ватные штаны. Наконец руки разжали и вытолкали отца на улицу. У отца были сведены челюсти, и только на выходе он сумел пообещать дяде Грише: «Тронешь мать – убью!»

Когда люди говорят мало, словам больше веры. Дядя Гриша поверил, да и трудно было не поверить.

А теперь скажу, что дядя Гриша был лет на 20 младше отца, сухой, очень жилистый крестьянин, и мой отец, невысокого роста, едва доставал головой ему до плеча. Но для отца это не имело в тот момент никакого значения.

А через год я сам стал свидетелем решительности и храбрости отца. У нас был сосед, лет 50, который также злоупотреблял выпивкой. Когда я уехал из дому, ему наконец дали квартиру, и он переехал. Но при этом стал предъявлять к нам дикие претензии. Трезвый, он все-таки не решался к

отцу подходить, но несколько раз до этого пытался запугать маму. Я приехал в отпуск, и мы с папой сидели во дворе и разговаривали. Калитка нам не была видна, и мы даже не услышали, как во двор ввалился пьяный Петр. Он возник перед нами крайне неожиданно. У скота в каждой руке было по самодельному кухонному ножу. Кто видел, что собой представляют самодельные ножи, тот поймет, о чем речь.

Я просто растерялся, но отец моментально вскочил, подхватил стоящую у сарая штыковую лопату и, держа ее, как винтовку, бросился к Петру, целясь лезвием лопаты ему в лицо. Тот заметался, но тут и я вспомнил, кто такой и зачем нужен. Мы отобрали ножи почти без потерь, я лишь слегка порезался, но бить лежащего Петра отец не дал, хотя адреналин у меня в крови настойчиво искал выхода. Слегка поврежденного Петра забрала у нас его жена, которая каким-то образом тоже оказалась тут. Видимо, на Петра очень повлияло то, что он увидел отца совсем не таким, каким предполагал увидеть. В любом случае больше на нашей улице его не видели.

Та мерзость, которая сейчас властвует в прессе и на телевидении, заплевала все наше прошлое. Расхожим до тошноты стало издевательство над популярным в свое время высказыванием: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Но надо вспомнить детство и посмотреть на сегодняшний день, чтобы тошнить перестало, чтобы понять смысл этого изречения. Да, спасибо! И товарищу Сталину

тоже. Но в основном моему отцу, у которого товарищ Сталин работал вождем. Вспоминая свое детство и юность, я пытаюсь найти то, что тогда мне очень было нужно, но чего у меня не было. И не нахожу ничего такого, чего не было и о чем можно было бы хоть чуть-чуть пожалеть.

Чего мы не получили от своих отцов? Образования? Нет! Что-что, а образование у нас было лучшим в мире. Не только всем доступным, но и лучшим. И, кстати, гораздо лучше нынешнего. Как-то мы с женой по телевизору случайно посмотрели кусочек молодежной передачи с каким-то очередным гениальным шоуменом. Он задал вопрос девочке-подростку о стихосложении, и она ему дала правильный ответ: «Амфибрахий». Бедный шоумен даже закудахтал от удивления – такая маленькая, а такое умное слово знает! Мы с женой только переглянулись: «Придурок! Ведь этому же в школе учат». Жена кончала сельскую украинскую школу, я – русскую городскую, бог знает когда. Мы технари, мы уже не помним точно, что такое амфибрахий, анапест или дактиль, но помним, что эти слова относятся к размерам стихотворной стопы. Чему же удивляться, что это слово помнит школьница? Что же у тебя, придурка, за образование? Неужели уже западное? В то время в школе нас учили. Над нами не делали экспериментов, у нас были учебники, написанные еще для царских гимназий, нас просто учили. И за это наши учителя пользовались у всех глубоким уважением. И по праву.

У нас тогда действительно было всеобщее среднее обра-

зование (и высшее – тоже), а не раздача аттестатов зрелости всем лентяям и придуркам, достигшим 17 лет.

До 7-го класса в каждом классе у нас было 3–4 второгодника – за красивые глаза или для отчета никого в очередной класс не переводили – в этом вопросе учителя были независимы. Желаящих учителя учили очень хорошо, учили и в классе, и вне класса. (Мои школьные учителя, кстати, в подавляющем числе были евреи по национальности, на что мы не обращали внимания.) Неспособных или ленивых доводили только до 7-го класса, а то и раньше переводили в ПТУ (тогда – ФЗУ). С 8-го по 10-й класс второгодников не было, таких просто отчисляли из школы. Поэтому окончившие 10 классов действительно знали и понимали то, что им полагалось знать по программе. Учителя не любили тех, кто зубрил, учили думать.

Дисциплина тоже была высокой, хотя учителя нас и пальцем не трогали – этим занимались родители, которые тогда понимали, зачем они нужны детям. Надо сказать, что четверка по поведению за неделю была хуже, чем двойка за диктант или сочинение. Процесс получения знаний уважали и дети, и учителя, и родители.

Чтобы закончить с темой воспитания, подчеркну, что и родители, и школа, и общество, и даже, если уж на то пошло, улица тренировали подростка в одном – сначала делать то, что надо, а уж потом то, что хочется. Это принцип воспитания, и этот принцип понимался большинством. Но вернемся

к обучению.

Как-то в составе маленькой делегации я попал в ЮАР в числе, может быть, первых чисто советских людей – не эмигрантов, не предателей. Перед отъездом вице-президент принимающей нас фирмы давал нам ужин, но приехал на него слегка поддатый с другого мероприятия. Извинился, но тем не менее еще поддал и стал откровенным, как может быть откровенным западный человек, когда перепьет и забудет, что ему надо показывать себя счастливым и улыбаться на 32 зуба.

Оказалось, что всю поездку мы находились под своеобразным «колпаком». Где бы и по какому случаю мы ни встречались с южноафриканцами – на переговорах ли, за обедом ли, – те люди, что были с нами на этих мероприятиях, на специальных собраниях своих фирм делали подробнейший доклад о том, о чем мы говорили. «Даже все твои застольные анекдоты, Юра, пересказывались. Но поразил нас уровень вашего образования. Мы не догадывались, что оно может быть таким!» – сказал ослотившийся и озадаченный бур.

Дело в том, что западное образование – это образование убогого бедного общества. У них нет денег развить кругозор человека. Если студент собирается, например, работать в области экологии, то его 4 года в университете учат только химии и одной только химии. Скажем, на историю, на физику или механику денег уже не хватает. В результате вне сферы деятельности западного человека с ним очень трудно об-

щаться. Уберите секс, деньги и политику – и с ним больше не о чем говорить. Бывало не по себе, когда в национальном историческом музее Японии в Токио, в 19-миллионном городе, ты ходил по безлюдным залам, а твой советский переводчик, самоучкой учивший японский, рассказывал сопровождающему фирмачу-японцу, что тот видит на витринах – какой эпохи, в правление какого императора. И японец слушал, открыв рот.

Нас учили всему, и мы имеем понятие обо всем. Нас учили щедро, не жалея денег, хоть и было их немного. В результате, если это требуется, мы можем достаточно быстро разобраться почти в любом вопросе или, по крайней мере, знаем, где самостоятельно найти на него ответы. Южноафриканцам это было в диковинку. У них не укладывалось в голове, как коммерсант-ферросплавщик, специалист очень узкой области черной металлургии, на одной фирме, предлагающей ему цех по производству сыра, вдруг с ходу начинает задавать вопросы о качестве молока и о качестве травы, которую должна есть корова, чтобы получился нужный сорт сыра. А на другой, где по «страшно секретной» (для южноафриканцев) технологии из угля производят бензин, берет за пуговицу главного инженера и не отпускает, пока не уточнит состав синтез-газа, катализаторов и еще многого, чего, по их представлениям, ферросплавщик и слышать никогда не мог.

И это образование обеспечил мне мой отец, и оно было доступно любому, кто хотел и способен был его получить.

Но образование сейчас мало кого волнует, все хотят развлекаться и отдыхать. И здесь я не могу своих стариков или Сталина ни в чем упрекнуть. И отдых, и развлечения были чрезвычайно доступны в том виде, в котором их вообще можно было дать в то время.

Из раннего детства (может быть, это были 53—56-й годы) мне запомнились летние воскресные вечера. Отец чистит белые парусиновые туфли зубным порошком, мама надевает какое-то красивое платье. Меня уже отмыли, и я в матросском костюмчике. Мы идем в парк, который тогда носил название «им. Кирова». Центральная аллея усыпана розоватыми морскими ракушками, вдоль нее лавочки, за ними гипсовые скульптуры футболистов, дискоболов и девушек с веслом. Родители то и дело останавливаются, заговаривают с многочисленными знакомыми. Наконец мы добираемся до мороженщицы. Мне вручается вафельный стаканчик, и теперь мое внимание сосредоточивается на нем.

Мы идем дальше. Слева от нас остается круглый открытый пивбар, от него несутся гул голосов и кислый запах пива, потом проходим танцплощадку. Слышны звуки настраиваемых тромбонов и саксофонов. Наконец мы выходим на берег Днепра, на трибуну водного стадиона. Справа от нас вдоль берега тянутся башенки водных станций крупных заводов. Под нами, на воде, одни соревнования сменяют другие. Проскочили байдарочники, упираются веслом в воду каноисты, прыгают в воду пловцы или перебрасывают мяч

ватерполисты. Вечерет. Мы уходим с трибун. Со стороны танцплощадки уже слышен джаз и смех, но мы сворачиваем к летнему кинотеатру. Папа покупает билеты, и мы с друзьями родителей размещаемся на лавочках. Я сижу гордый, многим мальчишкам приходится проникать в зал через высокий забор, и их пытаются гонять изнутри билетер, а снаружи свистит длинный тощий милиционер в фуражке с белым чехлом. Неудачников выводят из зала, но большинство уже спряталось среди зрителей и за экраном на сцене. Кончается фильм, и мы снова идем на берег смотреть последнее развлечение воскресного дня – фейерверк.

Чем плох или недостаточен был такой отдых воскресного дня? Чем уступал он отдыху людей в «цивилизованных» странах? Тут же, в парке, был бильярд и обязательный читальный зал. Меня даже сейчас поражает, что это было едва ли спустя 10 лет после войны, а моя родная 43-я школа, по которой еще в 1941 г. отбомбились немцы, еще лежала в развалинах до 60-х годов, и мы учились, уплотнив третьей сменой 35-ю школу и 7-е отделение милиции.

А спорт? Ведь тогда он действительно был массовым, это уже потом он стал черт знает чем. А тогда каждое предприятие имело, по меньшей мере, футбольную команду, действовала масса стадионов и площадок. Недавно я прочел, что парусный спорт – самый дорогой спорт, спорт миллионеров. Но мой брат Гена именно этим спортом и занимался. Он ходил на яхте «Финн», а поскольку был моей нянькой, то и у

меня в памяти всплывают свист ветра в парусах и романтические слова типа «оверштаг». Получается, что мы с Геной жили в семье миллионеров. Только в отличие от миллионеров развлечение под парусами нам ничего не стоило.

Сейчас понимаешь, что и праздники организовывались не менее великолепно, пока демонстрации не приобрели дико-глупую, заорганизованную форму. Я же помню демонстрации в студенчестве. И тогда комсорги следили за явкой на них, и тогда были ребята, уклоняющиеся от этого мероприятия, но у нас в группе большинство руководствовалось принципом: «Если тебя насилуют и нет возможности сопротивляться, то расслабься и постарайся получить удовольствие». Тем более что его легко было получить. И мы это удовольствие получали.

Для меня и сейчас праздник без демонстрации, как говорится в одном популярном фильме, все равно, что брачная ночь без невесты.

Движение праздничных колонн по городу было настолько отработано, что мы чуть ли не до минут знали, у какого гастронома мы остановимся и сколько будем стоять. Ханжества не было, мы быстро заправлялись спиртным и дальше двигались легко и с песнями. Огромное количество знакомых и незнакомых, трезвых и поддатых, но неизменно веселых и дружелюбных людей создавало уникальную атмосферу действительно народного праздника, которую просто другими условиями невозможно получить. Суть была не в про-

хождении у трибун, суть была в самом 2—3-часовом движении к ним. А для самих трибун у нас была заготовлена шутка, которая в то пуританское время была достаточно соленной.

Дело в том, что четкая организация движения колонн приводила к тому, что на проспекте Маркса ежегодно и регулярно колонна металлургического института выходила к трибуне параллельно колонне медицинского училища, и рядом с уже расшалившимися ребятами оказывались симпатичные девушки в белых халатах. То ли на трибунах часто менялись люди, то ли не могли оторваться от бумажки, но трибуна регулярно попадалась на одну и ту же удочку. После здравиц в честь металлургов и медиков, в ответ на наше радостное «ура!» оратор упорно провозглашал здравицу в честь наших советских женщин, что в дословном переводе с украинского звучит: «Пусть живет советская женщина!» Идущие впереди деканы разворачивались и от пояса грозили кулаками, но не помогало. Колонна металлургов вместо «ура!» тут же рявкала: «С кем хочет!» – и под общий хохот колонны сходили с площади.

Память держит встречу Нового года в институте, когда за накрытыми в спортзале столами одновременно собирались 400–500 студентов и преподавателей, встречу, где я впервые обратил внимание на девушку, ставшую потом моей женой. Гремело несколько оркестров, в одном зале танцы, в другом всю ночь мультфильмы, в третьем аукционы и концерты, а

на ковры борцовского зала дружинники бережно укладывали отдохнуть перенедопивших студентов – тех, кто выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел. Нет, мы умели веселиться с людьми, а не в наркотическом кайфе.

Кстати, о наркотиках мы не слышали, и духу их не было. Я помню за всю ту жизнь лишь одного блатного, о котором говорили, что он курит план. И даже у самих блатных к нему было отношение как к неполноценному. Об игле вообще не упоминалось. Помнящему это, просто омерзительны нынешние болтуны, утверждающие, что в то время жили в какой-то тоталитарной нецивилизованной стране, где все боялись, что вот тебя сейчас схватят полицейские – и в тюрьму. Если в то время боялись курить наркотики, боялись послать дочерей заниматься проституцией – так и слава богу. Но милиция в наше время даже в патрулях часто ходила без оружия, точнее, без пистолетов. О наличии у нее автоматов мы могли только догадываться, а о щитах, шлемах, бронежилетах и дубинках просто не слышали. (Году в 67-м пошел слух, что милицию вооружают дубинками, но тогда они так и не стали ее оружием, по сути их никто и не видел – слишком дорого обходилось это даже милиционеру – ударить советского человека.)

В начале 80-х промелькнуло сообщение, что в Люксембурге одна семья весь свой отпуск просидела в подвале собственного дома. Ей было стыдно перед соседями, что из-за отсутствия денег она не в состоянии была уехать на юг, к мо-

рю. Мы в свое время могли иметь какой угодно отдых, причем практически все.

Мы как-то обсуждали эту тему со своими приятелями, семьей врачей. Да, соглашались мы, с выездом за границу были трудности, но парадокс в том, что эта семья хотела отдыхать за границей, любила отдых, связанный с путешествиями и теперь, сама себе удивляясь, начала подсчитывать, сколько и где она была. Оказалось, что даже в свой первый отпуск в начале 70-х, когда они получали не более 130 руб. в месяц, им попала горящая путевка в Румынию. Затем был круиз по Средиземному морю, в ходе которого они познакомились в Италии с семьей врачей и завели переписку. Кстати, много лет спустя они снова отдыхали в Италии и снова встречались с этими приятелями. Отдыхали в Болгарии на Золотых песках, не говоря уже об отечественных Домбаях и прочих известных местах отдыха.

В нашей семье были другие взгляды на отдых. Отец, как я писал, в отпуска вообще не ходил. У мамы были не в порядке внутренние органы, и она была несколько раз на водах и на юге, но чаще в Трускавце. Я же довольно часто бывал в Крыму – у жены там живут родные дядя с тетей. Но я был в Крыму и холостым, в студенчестве. И никакого события такая поездка не составляла. Наверное, не грех будет напомнить тем, кто забыл, и рассказать тем, кто уже не знает, как это делалось и сколько это стоило.

Сейчас все обычные студенты просто нищие, поэтому я

обязан сказать об основах своего финансового состояния в годы студенчества хотя бы потому, что у меня, как ни странно, были более привилегированные условия, чем у других.

Дело в том, что я, младший сын в семье, по сути, остался единственным, кому отец мог дать высшее образование. Дать его Гене не получилось. Он прошел медкомиссию и сдал экзамены в высшее военно-воздушное училище. Но не прошло и месяца, как он вернулся домой. Оказалось, что у него есть недостаток, который не был вскрыт медкомиссией военкомата, но который начисто лишал его возможности летать. Почти сразу он был призван и служил в Германии. В конце службы он подал заявление в мореходное училище, но вызова не было, и он решил «погулять» немного за границей и подал рапорт на два года сверхсрочной службы. Вызов из мореходки пришел, когда он уже был оформлен, как тогда говорили, «макаронном». Погулять ему особо не пришлось, так как с самого начала он повел борьбу с соперниками за фельдшерицу армейского госпиталя и уже через год на ней женился. И, естественно, навалились денежные дела, потребовалась квартира, родилась дочь и все такое, что задержало его возвращение со службы еще на 8 лет.

Что-то похожее было и с Валерой. Он с 1945 г. – года с еще очень низкой рождаемостью. До службы он едва успел окончить техникум, и его призвали. А вернувшись со службы, он сообщил, что в Ярославле у него невеста, и если он на ней не женится, то вообще ни на ком не женится. Пошел ра-

ботать и женился. Потом почти сразу развелся, причем в его адрес и плохое слово сказать трудно, на его месте развелся бы каждый и немедленно. Тем не менее, у него родился сын, пошли алименты, и ему особо стало не до учебы.

Так что я стал единственным, в кого отец мог вложить свою мечту об образовании. Думаю поэтому, когда я поступил в институт, родители вдруг объявили, что стипендию они оставляют в моем распоряжении. Это было крайне неожиданно, потому что, когда я после школы пошел работать и с первой зарплаты купил торт и что-то еще, папа мне внятно намекнул, что все это хорошо, но деньги надо отдавать маме. Все.

А тут фактически на карманные расходы 35, а потом повышенная стипендия – 42 руб. Я ведь жил и ел дома, родители по-прежнему покупали мне вещи, требующие достаточно больших затрат – костюмы, пальто и прочее. Среди ребят, которые были вынуждены жить в общежитии и питаться на стипендию, я со своими 42 в месяц был уже богатеньким Буратино. Но этого мало. Когда я почувствовал вкус к исследованиям, меня охотно приняли на полставки лаборанта на кафедре. И хотя этот заработок зависел от вакансий на хозяйственных темах, но тем не менее рублей 30 в расчете на среднегодовой месяц еще можно добавить. Сама же работа много времени не занимала и часто представляла собой счетную работу или работу с литературой. Затем, каждое лето хоть месяц, но я где-нибудь работал. А это еще рублей 150.

Мне хватало денег не только на книги и застольные компании, но и на покупки обуви, рубашек и прочего. В то время, скажем, летние туфли, даже модные тогда «мокасины», не стоили больше 10 руб., повседневные до 17 руб., а если задумал себе индийские или английские парадно-выходные – то это уже до 30 руб. Впрочем, индийские выглядели хорошо, а носились паршиво. Но это были уже ужасно дорогие туфли. Очень хорошие рубашки стоили 8—10 руб., трусы, майки – копейки. Правда, это было время, когда из одежды культа не делали, хотя, конечно, никто не прочь был помодничать. Шутили, что начиная с третьего курса студенту полагается носить костюмчик «стран народной демократии», т. е. немецкий, чешский, польский или, на худой конец, румынский или болгарский ценой, обычно, от 60 до 80 руб.

Но вернемся к отдыху. Хотя в моей семье на отдых смотрели без вожделения, тем не менее, и мне захотелось узнать, что такое пляж на море. И мы со студенческими приятелями ездили два раза в Крым. Во что это обошлось?

Шикуюя, мы вчетвером покупали купе до Симферополя. Это стоило около 7 руб. на брата; вместе с проездом на троллейбусе до Ялты все транспортные расходы в оба конца были не более 15 руб. Крым был весь забит отдыхающими, поэтому о гостиницах, санаториях даже разговора не было. Не те мы были персоны, не шахтеры.

Поэтому нам квартира стоила дороже, чем по путевке. Мы снимали комнату на четверых, и стоило это нам рубль в сут-

ки. На 10 суток – это еще 10 рублей. Приезжали мы обычно с тяжелой работы или на заводе, или в стройотряде, поэтому свой отдых мы организовывали самым неправильным, самым противопоказанным способом. Мы не ходили в походы и на экскурсии. Утром мы шли на пляж, завтракая по пути. Это обычно была чебуречная. Четыре свежих больших чебурека и два стакана кофе с молоком стоили 56 копеек.

Но иногда мы шли в шашлычную. Это нам ничего не стоило. Утром там разгружали машины, и мы, освободив ЗИЛ от бочек с вином, имели по миске шашлыков и литр сухого вина. На дальнейшем пути на пляж мы покупали 5–7 кг фруктов. Самыми дорогими были персики, они стоили максимум 50 коп. лучшие. Кстати, в автоматах продавалось сухое вино «Рислинг» по 20 коп за стакан.

Следовательно, завтрак и обед нам обходились в рубль. На пляже купались, играли в преферанс, флиртовали до 17–18 часов. После этого шли в столовую и основательно ели. В то время даже на курорте в столовой трудно было оставить больше рубля. На пути домой мы прикупали булочек, колбасу или копченую рыбу на случай, если захочется есть ночью. Немного, копеек на 50 в расчете на брата. Дома спали и часам к 9 вечера, принарядившись, уже были в парке. Там, в киоске у мороженщицы, в темной аллеяке, мы за 5 руб. покупали 2 бутылки лимонной водки. Так как пустые бутылки мы отдавали мороженщице, то имели сервис – водка разливалась в 4 стакана с добавлением 4 кусочков маринованного

огурца. Выпив залпом, мы шли на танцы (копеек 30). Итого с сигаретами ординарных дневных расходов у нас было едва на 4 рубля. Пусть 5 с мороженым. В расчете на 10 дней вместе с транспортом 75 руб. хватало, чтобы обгореть в Крыму до черноты. Мы брали обычно по 100 рублей, и этих денег хватало, чтобы еще сводить своих девушек пару раз в ресторан или варьете, если удавалось туда попасть в этом столпотворении народа. Но что такое 100 руб. тогда? Месячный заработок женщины, для мужчины этого было уже маловато.

Загрузить вагон мукой в мешках стоило 60 руб. Вчетвером мы справлялись с вагоном за 2 часа, а были ребята, которые вдвоем грузили 2 вагона за ночь. Но я не любил эту работу за чрезмерный надрыв, который надо было проявлять, чтобы не отстать от более опытных товарищей. Да и не сильно в ней нуждался.

Так что денег на отдых в свой отпуск даже дикарем хватало у каждого гражданина, а отпуск по путевке стоил вдвое дешевле. Прятаться в подвале от соседей у советских людей не было необходимости. В цивилизованной стране жили, не в Люксембурге.

Меня упрекают, да я и сам это знаю, что, взявшись разобрать какой-то вопрос, я редко иду к нему прямой дорогой, то и дело отвлекаясь на сопутствующие моменты. Но прямо идти почти невозможно.

Сегодня слишком многое извращено, слишком многое поставлено с ног на голову.

Тещу себя надеждой, что читатели еще не забыли, что эта глава – о моем отце. Сведем его портрет в более короткую характеристику. Работоспособен, работа – смысл жизни. Предан Родине, предан людям и семье. Мужественен и в мужестве испытан. Храбр. Горд без тени кичливости. Бескорыстен. Рад, когда полезен людям. Это все то, что объединяется одним словом – благородство.

С таким мужчиной спокойна любая женщина. С таким гражданином спокойна Родина. И она была с ним спокойна, пока он не постарел: он ее защитил, он ее обогрел, он ее обустроил.

В начале повести я упомянул о первой причине, по которой я написал эту повесть. Теперь о следующих.

Как это ни странно, но я не испытываю особых симпатий и поклонения к официально объявленным героям. Я знаю, что они герои, я знаю, что их полезно прославлять и надо прославлять, но... Может быть, я догадываюсь, что я не такой, и инстинктивно не испытываю к ним доверия?

Как-то В. Бушин вполне доброжелательно назвал меня плебеем. Наверное, Бушин прав, я, безусловно, отношусь к классу людей, результаты деятельности которых всегда должны заканчиваться чем-то конкретным, а не болтовней и славословием. К классу людей, которых не прославляют даже те, кто нас ценит.

Вот, скажем, И. Сталин 24 мая 1945 г. пригласил генералов на банкет в честь командующих войсками Красной Ар-

мии и поднял тост за русский народ. Все правильно – Верховный выпил с частью своих генералов за народ-победитель в войне. Но ведь у Верховного были не только свои генералы, но и свои офицеры, свои солдаты. Можно было организовать еще два банкета и выпить с частью своих офицеров, скажем, с Героями Советского Союза, и с частью своих солдат, скажем, с кавалерами ордена Славы? Конечно, можно, и Сталину это, безусловно, было не в тягость. Но все дело в том, что когда дело заканчивается и начинается прославление героев, то в этой радостной суматохе о плебеях как-то чаще всего забывается. Героев-аристократов появляется так много, что становится не до плебеев – им, как правило, адресуется общий привет.

И, видимо, у меня инстинктивное плебейское недоверие к прославляемым героям: ты в самом деле совершил подвиг, исходя из внутренней моральной потребности, или тебе нужна была слава со всей ее словоблудной атрибутикой? Тебя действительно вела по жизни твоя честь и совесть или тебе очень хотелось попасть в школьные хрестоматии?

Думаю, что это действительно инстинктивно плебейское чувство. Вот, скажем, в школе учительница литературы дважды просила меня не выпендриваться (учителя ко мне в память о матери относились внимательно). Дело в том, что дважды в каких-то важных сочинениях я хотел выбрать не того героя.

В сочинении по «Поднятой целине» я хотел назвать люби-

мым героем не официального героя Давыдова, а малозаметного Разметнова. Давыдов, исключая слабину по женской части, уж больно правильный, все, что ни делает, – все так и все правильно.

А Разметнов больше похож на человека: была война – рубил врагов безжалостно, а наступил мир – и вот он уже кулаков жалеет. Понятно, что с кулаками надо было обходиться круто, но безжалостно-то зачем? Кроме этого он – голубятник, и я в юности держал голубей, – уже не чужой человек.

Думаю, что и Шолохову он был симпатичен, и, может быть, тоже инстинктивно. Ведь когда Шолохов в конце романа бросил троицу героев романа на пулемет, то в живых оставил все же Разметнова. На развод, так сказать.

Еще в романе «Война и мир» я любимым героем назвал не князя Андрея и не пришибленного Безухова – официальных героев, а Николая Ростова, чем вызвал прежний ужас учительницы: «Как! Крепостника?!»

Почему крепостника? Николай – нормальный русский парень, а затем – мужчина. По молодости творил глупости, в первом бою ему было страшно. Ну и что? Зато войну 1812 г. вытянул от звонка до звонка, и, если пользой на войне считать урон, нанесенный врагу, то от Николая пользы было поболе, чем от князя Андрея и Пьера Безухова вместе взятых. А то, что он после войны растил хлеб и детей, а не подался в революционеры, как Пьер, – так ведь надо же кому-то и кормить этих революционеров.

Спору нет – я определенно плебей и сын плебея. Разве что я настолько гордый плебей, что не имею комплекса неполноценности по отношению к аристократам.

И в-третьих. Я задавал себе вопрос: на кого я хочу быть похожим? Вот, скажем, Сталин. Объемом решенных для СССР дел он вызывает трепетный ужас и пропорциональное ужасу восхищение.

Уникальный человек!

Но мне, не знаю почему, не хочется быть похожим именно на него. И вот, перебирая в памяти всех героев, я прихожу к мысли, что мне больше всего хочется быть похожим на своего отца. В жизни это не получилось, но желание осталось. Думаю, это немалая причина написать об отце.

Как я уже неоднократно писал, я не был членом КПСС. Но это ничего не значит. Напомню, что просто с первых же шагов на инженерной работе вполне доброжелательные люди стали мне советовать вступить в партию. Так как, дескать, без партии карьеры не сделаешь. Меня это сильно коробило.

Ну, что я, недоносок какой-то, что ли? Ну, почему, чтобы я в своей работе не потерялся среди своих, мне надо в партию? Я изучал и историю партии, и философию, и научный коммунизм и понимал, что партия – она совершенно для других целей. При чем здесь они и моя карьера? Как будут на меня смотреть люди? Небось будут говорить: «Еще одна сволочь в партию полезла карьеру делать!»

Мой отец вступил в партию на фронте, и когда меня спра-

шивали: «А что это ты – начальник цеха, а не в партии?» – то я отвечал, что вступлю в нее сразу же, как начнется война. Но на моем веку войны в СССР не было и не было ее именно благодаря моему отцу-коммунисту. Вот он – действительно коммунист, и это еще повод написать о нем.

Вы скажете: а при чем здесь коммунист? Ведь то, что я описал, – это чисто гражданские и человеческие свойства. Притом, что в том году и в том месте, когда и где отец вступил в партию, – а он подал заявление осенью 1942 г. под Сталинградом, – мразь в партию не вступала. Эта мразь вступала в КПСС в основном после войны. Вступала в большом количестве не для работы на благо Родине, а для того, чтобы коричневой вошью впиться в ее тело. И эта вошь тут же отеклась от коммунизма как только появилась возможность еще больше пососать с нашей Родины, как только прошла угроза сталинского дуста. Торжественно сожгла перед телекамерами партийные билеты и стала называть моего отца и его товарищей красно-коричневыми.

Им ли привыкать? Та фашистская сволочь, что грабила Родину в 1941–1945 гг., называла его и его товарищей просто большевиками, а та фашистская сволочь, что грабит Родину сейчас, – красно-коричневыми. Но ведь они были и остались одними и теми же, значит, и сволочь по сути своей та же. И это действительно так.

В 4 часа утра 22 июня 1941 г. посол фашистской Германии Шуленбург вручил Молотову ноту о начале войны. Она за-

канчивалась словами: «...Ненависть большевистской Москвы к националсоциализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм – смертельный враг национал-социализма. Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование.

Правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе.

Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу. Немецкий народ осознает, что в предстоящей борьбе он призван не только защищать Родину, но и спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма и расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе. (Берлин 21 июня 1941 г.)»

Кто мог подумать, что через 50 лет опять появятся спасители «мировой цивилизации от смертельной опасности большевизма»? Которые будут бить большевиков дубинками, расстреливать их из танков и не просто так, а исключительно для того, чтобы «расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе».

Ладно. Есть мой отец-коммунист, есть его товарищи и есть фашистская сволочь. С ними все ясно.

Ну а мы, те, кто в 1993 г. в Москве на соседних улицах жевали сникеры, когда фашистская сволочь избивала и убивала большевиков, мы-то кто?

Часть 2. Отцы-командиры

О А.З. Лебединцеве

Несколько лет назад я отредактировал и литературно поправил воспоминания А.З. Лебединцева. И сделал это вот по какой причине.

Я с интересом читаю воспоминания ветеранов войны и прочел их много. Но таких, как у Александра Захаровича, мне читать еще не приходилось. Между прочим, то же самое ему говорили и рецензенты издательств, но печатать его труд не спешили. Понять их можно – они коммерсанты, им нужно, чтобы книга продалась большим тиражом. А сегодня мемуары не пишет только ленивый, и в условиях, когда читателей стало уже меньше, чем писателей, воспоминания еще одного ветерана просто затеряются в горах остальных мемуаров.

Множество военных воспоминаний написано профессиональными литераторами для их «авторов». В результате в таких мемуарах показана война не такой, какой она была, а такой, какой ее представляет литератор. Лебединцев ни в каких литераторах не нуждается, и его взгляд на войну – это действительно взгляд фронтовика с цепкой памятью. Однако это не все. Сложно сказать, в силу каких причин, но Алек-

сандр Захарович написал о том, о чем редко кто пишет. Он вспоминает большое количество сослуживцев, которые являются целой кастой нашего общества – офицерством. И в отличие от остальных мемуаристов, он характеризует офицерство не только с героической стороны. Кастовая солидарность подавляющего числа остальных мемуаристов не дает им это сделать, и они описывают коллег по принципу: или хорошо, или ничего.

В результате воспоминания Лебединцева представляют ценность для анализа этой касты, а этого до сих пор никто не делал.

Сталина у нас можно ругать и поносить сколько угодно, можно обвинять его даже в том, что он утром 22 июня 1941 г. не бегал вдоль границ и не будил наших спящих солдат, но офицеров – не тронь! Это сплошь одни герои!

Прочитав рукопись (а в эту книгу вошла едва половина ее – та, которая заканчивается 1945 годом), я предложил Александру Захаровичу переделать его воспоминания в книгу об офицерах, для чего рассмотреть тогдашнее и нынешнее офицерство на примерах из своих же воспоминаний. Он пробовал, но не смог этого сделать, и причина, думаю, не в том, что он не понял замысла.

Проблема в том, что он, пожалуй, один из лучших, если не самый лучший председатель общества ветеранов своей дивизии в СССР. Как говорят его родные, он свой «Москвич» продал, но оборудовал 60 школьных музеев на боевом пу-

ти дивизии стендами о ее истории. Он организовал десятки встреч ветеранов, и если для нас упоминаемые им в тексте офицеры это просто фамилии, то для него это не только конкретные люди, но и их дети с внуками, с которыми он тоже знаком. И если он еще может описать, как реально происходило дело, то у него не поднимается рука дать надлежащую характеристику тому или иному человеку. Сегодня он жалеет всех своих соратников и через эту свою жалость к ним переступить не может. Мы оказались в тупике.

Тогда я пообещал Александру Захаровичу, что найду время и сам из его рукописи вычленю эпизоды по темам: офицерской храбрости и трусости, смелости и нерешительности, честности и подлости и т. д., и к этим эпизодам допишу свои соображения. Получится два взаимосвязанных, но независимых текста: воспоминания А.З. Лебединцева, как он их написал, и мои комментарии, за которые ответственность несу только я. Обязателен вопрос: а в какой мере воспоминания вообще и воспоминания Лебединцева можно воспринимать как факт?

В любых мемуарах автор автоматически себя приукрашивает. Если бы Александр Захарович писал о себе не сам, а кто-то, кто его хорошо знает, то, наверное, портрет Лебединцева получился бы совсем другой – со всеми «скелетами» из его шкафа. И с этим автоматическим враньем мемуариста ничего не поделать – его нужно просто учитывать самому и вскрывать (или настораживаться) с помощью своего опыта.

Но должен сказать, что, на мой взгляд, Лебединцев если что-то и приукрашивает и искажает, то даже о себе делает это очень умеренно, и пусть и оправдываясь, но приводит много фактов, которые по тому времени характеризуют его не с лучшей стороны. А эта искренность не может не вызвать доверия и к остальным приводимым им фактам.

Вторая причина, по которой мемуарист искажает факты, – это или исполнение им политического заказа, или если автор обосновывает какую-то свою идею. При этом, правда, вранья почти не бывает, просто автор говорит не все, а только то, что соответствует его линии. Было время, к примеру, когда все мемуаристы писали о выдающейся роли партии и политруков, теперь пришло время забрасывать их грязью. Не устоял перед этим и Александр Захарович – десятилетия перестройки дали о себе знать. К этому не всегда можно относиться терпимо, но всегда нужно понимать, что автор живет не в вакууме, и редкий человек способен игнорировать то, что вещают СМИ и о чем болтает толпа.

У Лебединцева есть и еще один недостаток, характерный чуть ли не для 100 % русских ветеранов: они, согласно русскому мировоззрению, пишут так, чтобы читатели их пожалели. То есть чаще рассказывают не о своих подвигах, а о своих потерях, начисто забывают все достоинства того времени и раздувают все недостатки, чтобы мы переполнились сочувствием к их тяжелой жизни. С этим тоже практически ничего нельзя поделать, но обязательно надо учитывать.

И наконец, что очень ценно, – мемуаристы вспоминают массу фактов, которые не имеют непосредственного отношения ни к ним лично, ни к отстаиваемым ими идеям. В этом случае ветерану легче сказать правду, нежели соврать. Ведь вранье – это работа, вранье нужно выдумать, да еще и так, чтобы оно не противоречило другим фактам, а правду нужно просто вспомнить. Хотя бывает и чистосердечное вранье, о котором юристы говорят: «Врет, как свидетель», – но к Лебединцеву, думаю, это не относится. У него цепкая память на детали бывшего полкового разведчика и опытного штабиста. Поэтому думаю, что в подавляющем числе описанных Александром Захаровичем случаев все было так, как он и написал. А написал он то, о чем следовало бы написать уже давно.

Обо мне говорят, что я жесток к тем, кого критикую. На самом деле это не так, поскольку критикую мнение человека, а не его самого. А данный случай особый. Александр Захарович мне лично глубоко симпатичен, тем более что его судьба похожа на судьбу моего отца. Правда, мой отец не собирался служить в армии ни до войны, ни после нее, но попал на фронт с самых первых дней, воевал и просто в пехоте, и сапером в стрелковой дивизии и полку, был четыре раза ранен, но до Победы дожил. Мой отец не написал воспоминаний, и, как я писал, тут есть и моя вина – я мог бы ему помочь, да поздно спохватился. Работая совместно с А.З. Лебединцевым, я в какой-то мере пытался загладить эту свою

вину перед своим отцом.

Вся работа вышла отдельной книгой «Отцы-командиры», а в этой книге я дам только разбираемые эпизоды Александра Захаровича и свое осмысление их.

Офицеры

Хотелось бы сначала определить позиции. Александр Захарович человек сугубо военный, вся его жизнь связана с армией, круг его знакомых в большинстве состоял из таких же, как он, офицеров, с их офицерскими мировоззрением и интересами. Поэтому хочет Лебединцев этого или нет, но он пишет то, что будет воспринято его кругом с пониманием.

А я человек штатский, правда, я имею военную подготовку и офицерское звание, но никогда в армии не служил (исключая два месяца лагерных сборов). И на все, что Александр Захарович пишет, я смотрю с позиции сугубо штатского человека – того, за счет налогов которого и существует офицерская каста. Кроме того, я был руководителем на производстве, то есть я штатский офицер, поэтому могу сравнить, как в похожих случаях поступаем мы, штатские, с теми поступками офицеров, которые описывает Александр Захарович. (Формально офицерские звания в Красной Армии были введены в 1943 г., до этого армейские начальники назывались командирами, но я для простоты буду называть их офицерами во всех случаях, в том числе и в тех, когда они официально так еще не назывались.)

Давайте задумаемся о сути офицерства, о том, зачем они нам, обществу, нужны? Зачем мы на вычеты из своих доходов их одеваем, обучаем, кормим, тратим огромные деньги

на их обучение и на пенсии, которые они могут получать не после 60 лет, как мы, а уже через 20 лет службы?

Прогресе идет в направлении все большего и большего разделения труда, и с этим ничего поделаться не возможно. В плане этого разделения необходимо выделить из общества часть людей, которые бы умели уничтожать внешнего врага в случаях, когда это потребуется. Вообще-то задача уничтожения внешнего врага лежит на всем обществе, на каждом гражданине – иначе он просто не гражданин, исходя из значения этого слова. Но в обществе должны быть и люди, которые проблемами уничтожения врага должны заниматься специально: знать об этом все, что только возможно, и уметь все, что для этого требуется. Эти люди – офицеры. Учитывая, что в реальной войне риск гибели офицеров больше, чем риск среднего гражданина в мирном обществе, общество предоставляет офицерам огромные льготы: они освобождены от проблемы «добывать в поте лица хлеб свой насущный», им устанавливаются высокие доходы, а на пенсию их отпускают часто еще во цвете лет. Общество как бы кредитует офицеров в надежде, что с началом войны офицеры этот свой долг обществу вернут своей храбростью, смелостью, честностью и самоотверженностью. Только в таком случае обществу имеет смысл содержать офицеров – людей, готовых за это общество принять смерть в бою.

Сама по себе их смерть обществу не нужна – обществу нужна победа, поэтому, пока нет войны, офицеры должны

тщательно изучать то, как уничтожить врага, и тщательно к этому готовиться. Если войны не случится, то офицер свой долг обществу отдать не сможет и его оправданием будет только вот эта его готовность.

Если же человек поступает на службу только для того, чтобы получать большую зарплату, а затем и большую пенсию, если он в ходе службы мирного времени изучает не то, как уничтожить врага, а то, как увеличить свои доходы на армейской службе, то это не офицер – это паразит общества, и кормить такую армию все равно, что кормить вражескую. Насколько сами офицеры видят ту грань, до которой они – уважаемые члены общества и после которой они – его паразиты? Думаю, что большинство из них об этом просто не думает, и сегодня военная служба для многих – это просто способ «устроиться» в этой жизни.

Один, чтобы заработать деньги на жизнь, становится к станку, спускается в забой, берет шуровку у горна доменной печи или садится на комбайн. Со временем такой человек становится специалистом по получению доходов при помощи выбранной им специальности. Это прекрасно и очень полезно для общества, которому нужны специалисты во всех видах деятельности.

А другой идет зарабатывать деньги в казарму и тоже вскоре становится специалистом по получению доходов от военной службы, а поскольку эти доходы в армии зависят от должности и звания, то он становится специалистом по по-

лучению должностей и званий. То есть он умеет делать то, что нравится начальству, дающему эти самые должности и звания. А нужны ли такие специалисты обществу? Ведь если начнется война, то толк от таких специалистов мизерный – на войне нужно уметь убивать врага, а не выслуживать оклады.

Вот на 22 июня 1941 года по требованию «специалистов по получению должностей в армии» правительство СССР скрыто отобилизовало армию так, что даже на начало войны 4,2 млн. солдат немецкой армии у западных границ уже противостояли 2,8 млн. советских солдат с простой задачей: удержаться 15 дней, в ходе которых будет проведена полная мобилизация и развертывание Красной Армии. Соотношение даже на 22 июня в живой силе между немецкими и советскими войсками не столь велико, особенно если учесть, что по требованию «специалистов по получению должностей в армии» Советское правительство обеспечило их самолетами, втрое превышающими по численности немецкие, а танков было раз в пять больше. А результат?

Красная Армия начала отступать, теряя миллионы солдат – тех, на шее которых до войны и сидели эти самые «специалисты по получению в армии должностей». Сегодня все историки с трагическим придыханием пишут, что в 1941 году погибла лучшая, **кадровая** часть офицерства, и это, дескать, предопределило огромные потери СССР в войне. А так ли это? Была ли кадровая часть офицерства Красной Ар-

мии лучшей?

Может быть, вопрос поставить по-другому? Почему, пока основное офицерство Красной Армии было кадровым, то она отступала? Почему она начала наступать тогда, когда в армии освоились офицеры запаса, когда на офицерские должности встали храбрые солдаты, когда командование все же разыскало среди кадрового офицерства тех, кто шел в армию защищать Родину, а не за деньгами? Почему на фронте не показало себя в массе все это красиво марширующее до войны офицерство – это вопрос?

Является ли этот дефект специфическим для СССР? Боюсь, что мы еще и не из самых худших. То, как немцы разогнали польскую армию, как разгромили французскую и как три года гоняли англосаксов, позволяет думать, что в остальных странах положение с офицерством было еще худшим.

Гораздо худшим советского было и офицерство императорской русской армии. Как ни объясняй победу в Гражданской войне большим количеством царских офицеров у красных, но ведь не они определили их победу. Командование Красной Армии в массе состояло из бывших солдат и даже гражданских лиц, но Красная Армия все же разбила армии белых, укомплектованные не только «профессионалами», но и получавших помощь со всего мира. Это невоенно-обязанный Н. Махно и унтер-офицер С. Буденный в принципе решили оперативно-тактическую часть будущего немецкого «блицкрига» во Второй мировой. И это не я говорю,

первенство в этом вопросе С. Буденного признает начальник тогдашнего немецкого Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер.

О том, что уровень русского офицерства царской России был крайне низким, говорят многие факты, к примеру, их боевая стойкость. Думаю, что уровень царского офицерства был низким ввиду главной для этой касты причины – того, что и тогда офицеры шли в армию не Родину защищать, а за деньгами.

Показательными в этом плане являются мемуары военного министра России в 1904–1909 годов А. Редигера. Его воспоминания (почти 1100 стр.) написаны на базе его дневников, поэтому очень подробны. Редигер был полным генералом, членом Военного совета, профессором Академии Генштаба, автором классического учебника по военной администрации. Но в его обширных мемуарах нет ничего ни о военном деле, ни о войнах – это данного генерала не интересовало вовсе. Все мемуары, по сути, посвящены тому, как Редигер добывал на военной службе деньги. Поразительно, но у этого члена Военного совета России за 1914–1917 годы в дневниках нет практически никаких упоминаний об идущей войне – ни об операциях русской армии, ни мыслей о том, что же надо для победы. Все эти годы его занимали махинации с акциями и недвижимостью с целью приобрести хорошее имение. Какую победу можно было ожидать от армии, у генералов которой голова болит только о доходах?

Я, как написал выше, из среды гражданских офицеров-руководителей. При царе мы даже форму носили. И у нас ангелов мало, и у нас можно натолкнуться на такого тупого или трусливого ублюдка, что упаси Господь, но мы делали Дело, нужное нашему народу, и, как выяснилось после прихода к власти в СССР перестройщиков, делали его очень неплохо. Поэтому для меня и было откровением то, что я узнал об офицерах от А.З. Лебединцева. Я не представлял, что Дело (уничтожение врага) можно делать так, как это делали они.

В первой главе второй части я предлагаю рассмотреть такие качества кадрового офицерства Красной Армии, как храбрость и трусость. Строго говоря, быть трусом позорно для каждого, но уж для офицера?! Зачем же ты тогда шел в армию, если так панически боишься смерти, если так ценишь свою шкуру? Но сначала пара слов о терминах.

Храбрость – это способность человека осмысленно действовать в условиях непосредственной опасности для собственной жизни. Поскольку целью врага является лишение тебя жизни, то для офицера храбрость является обязательной чертой характера, нет этой черты – такого офицера лучше сразу расстрелять, но не допускать к командованию людьми, поскольку он их погубит.

Боевое крещение

Теперь с позиции этого определения рассмотрим соответствующие места из воспоминаний Александра Захаровича.

Я выбрал три эпизода, и первый о первом бое Александра Захаровича. Он, только что испеченный после ускоренного курса (7 месяцев вместо 2 лет) лейтенант, которому едва исполнилось 19, который ни разу еще не командовал людьми в своей жизни (пионеры – не в счет, там другие принципы), который ни разу еще не был в Деле, прибывает 23 декабря в штаб 1135-го стрелкового полка, занимающего оборону и ведущего бои с немцами на реке Миус.

Первое, что меня удивило, – их, юных лейтенантов, не принял командир полка, а назначение на должность произвели начштаба с кадровиком. Сразу поясню, что я в данном случае не принимаю во внимание ни моральные аспекты, ни уставные. По моим гражданским меркам дивизия – это завод, а полк – цех. Для меня немыслимо, чтобы не то что инженера, а рабочего кто-либо допустил к работе и определил ему должность, пока его не увидит начальник цеха. Еще раз повторю – дело не в традициях, не в субординации, не в уставах. Дело полка делает командир полка, делает он его, поручая по частям подчиненным. Как он может его делать, если он подчиненных даже не видел, не знает их способностей? Ведь бывает, что тысяча рабочих и инженеров цеха кладут

все силы, чтобы выправить положение, а один дурак нажимает не ту кнопку, и вся работа цеха идет псу под хвост.

Второе, что вызывает удивление, – лейтенанта Лебединцева никто не представлял взводу, которым ему надо было командовать. Его просто послали во взвод с посыльным, а сержант Босов представил взвод ему – командиру. И опять дело не в уставах. Хоть рабочий, хоть солдат должны быть уверены в своем начальнике – в том, что он знает, что приказывает. Представляя солдатам их командира, старший начальник как бы подтверждает, что он этого командира проверил и тот действительно будет давать правильные команды. А в случае с Лебединцевым получается, что он как бы приبلудился к взводу в качестве командира.

К примеру, как только я, молодой специалист, появился в отделе кадров своего завода, начальник ОК тут же созвонился с директором и тот меня принял очень быстро. В цехе со мной и говорить никто не стал, пока со мной не переговорил начальник цеха, он же выбрал мне место работы, познакомил с начальником смены, а затем пришел на пересменку и представил меня рабочим смены, хотя у меня была ученическая внештатная должность помощника мастера.

Тому, о чем я только что написал, не учат в институтах за ненадобностью – это и так понятно любому руководителю, который отвечает за Дело и, главное, **собирается его сделать,**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.